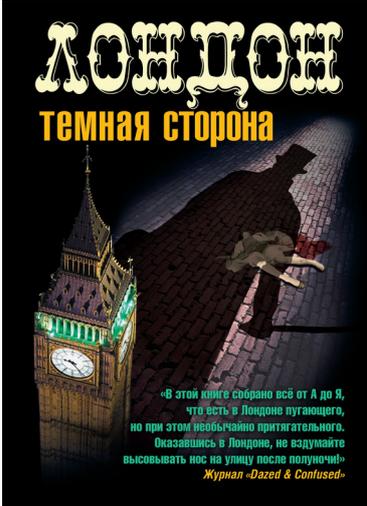

ЛОНДОН

Темная сторона

«В этой книге собрано всё от А до Я,
что есть в Лондоне пугающего,
но при этом необычайно притягательного.
Оказавшись в Лондоне, не забудьте
высовывать нос на улицу после полудня»
Журнал «Dazed & Confused»

**Десмонд Барри
Мартин Уэйтс
Джон Л. Уильямс
Барри Адамсон
Кен Бруэн
Патрик Маккейб
Сильвия Симмонс
Стюарт Хоум
Кен Холлингс
Марк Пилкингтон
Макс Дешарне
Кэти Унсворт
Майкл Уорд
Дэн Беннет
Джо Макнелли
Джулз Дэнби
Джерри Сайкс**

Лондон. Темная сторона (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978213

Лондон. Темная сторона: АСТ, Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербург; 2010

ISBN 978-5-17-067516-6, 978-5-9725-1767-1

Оригинал: "London Noir"

Перевод:

Ирина Копылова

Инна Гарриевна Шаргородская

Татьяна Усова

Евгений Р. Волковыский

Мария В. Жукова

С. Кондратьева

Аннотация

Лондон – город закона и преступлений, город Джека Потрошителя и Шерлока Холмса. Лондонские истории вытекают из стен, просачиваются сквозь них, идут вверх по канализационным трубам, туннелям метро и выходят наружу через мостовые. Они петляют, пробираясь по извилистым переулкам, которые появились задолго до того, как была изобретена система упорядоченного планирования. Они шепчут свои секреты на рыночных площадях, где говорят на всех языках мира, где торгуют всем – от фруктов и овощей до детских жизней. Они дрейфуют ночами по течению старой Темзы, медленно поднимаются вверх из храмов коммерции, проходят по залам Парламента, по соборам, заложенным древними королями, по туннелям, прокопанным инженерами викторианской эпохи. Эти истории пугают, восхищают и завораживают.

Читайте. Содрогайтесь. Наслаждайтесь.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	7
Десмонд Барри	7
Кен Бруэн	15
Стюарт Хоум	20
Барри Адамсон	25
Часть II	36
Майкл Уорд	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лондон. Темная сторона

Составитель Кэти Уонсворт

Издательство выражает благодарность литературному агентству Goumen&Smirnowa за содействие в приобретении прав Originally published in English by Akashic Books, New York (www.akashicbooks.com)

Предисловие Преступность и закон

У вас в руках не просто сборник криминальных рассказов, действие которых происходит в Лондоне. В этих рассказах – сам Лондон. Творящееся на этих страницах наверняка не показалось бы чуждым и непонятным тем, кто хоть раз пытался воссоздать дух Лондона в стихах и прозе, в живописи и музыке, средствами театра или кино. Лондон – город Уильяма Блейка, Чарльза Диккенса, Даниэля Дефо, Оскара Уайльда, Джорджа Оруэлла, Дилана Томаса, Фрэнсиса Бэкона, Джо Струммера или Джонни Роттена – во многом до сих пор остается все тем же.

Лондону необходим свет, чтобы выйти из тьмы и покончить с круговоротом преступлений. Это город Ньюгейтской тюрьмы и Бедлама, город чудовищ и Джека-попрыгунчика, Джека Потрошителя, город «Болтик Эксчейндж» и площади Риллингтон, дом 10¹. Из вечернего лондонского смога выходит Шерлок Холмс, самый знаменитый сыщик в мире, и произносит: «Игра началась!»

Лондон из всего извлекает для себя выгоду.

Лондонские истории вытекают из стен, просачиваются сквозь них, поднимаются из фундаментов, заложенных римлянами две тысячи лет назад. Они идут вверх по канализационным трубам, подземным рекам, туннелям метро и выходят наружу через мостовые. Они петляют, пробираясь по извилистым переулкам, которые появились задолго до того, как была изобретена система упорядоченного планирования. Они шепчут свои секреты на рыночных площадях, где говорят на всех языках мира, где торгуют всем – от фруктов и овощей до детских жизней. Они дрейфуют ночами по течению старой Темзы, медленно поднимаются вверх из храмов коммерции, составляющих Квадратную милю², проходят по залам Парламента, по соборам, заложенным норманнскими королями, по туннелям, прокопанным инженерами викторианской эпохи.

Если достаточно долго прислушиваться к Лондону, город подарит вам истинное представление о себе, о своих принципах и взглядах. Вы сможете без подсказок разобраться в картах, которые составлялись на протяжении долгих веков, а в вашем сердце отпечатается топография Лондона. Ваша душа сольется со стенами и мостовыми, туннелями и шпилями, уличными рынками и биржами. Но действительно ли это ваше собственное понимание, или была подсказка, а история написана уже давным-давно?

Рассказы, вошедшие в этот сборник, как бы образуют карту города, которую вы не найдете ни в одном справочнике. Хотя авторы книги и не ощущали этого, сам Лондон создал коллективное подсознание этой антологии, объединив богемный Запад, традиционный канонический Восток, меланхоличный Север и дикий Юг. Он соединил их строками песен из одного и того же музыкального автомата, ангелами в головах священников, полицейских, колдунов, знахарей, адвокатов, торговцев порнографией, психопатов, мошенников, террористов и даже траекторией полета стаи диких гусей.

¹ *Ньюгейтская тюрьма* – тюрьма, перед которой до середины XIX века публично вешали осужденных, снесена в 1902 году, в настоящее время на ее месте стоит здание Центрального уголовного суда. *Бедлам* – Вифлеемская королевская психиатрическая больница, основана в 1247 году, в настоящее время переведена в Кент. «*Болтик Эксчейндж*», или *Балтийская биржа*, – крупнейшая фрахтовая компания в Лондоне. *Джек-попрыгунчик* – человекоподобное существо, умевшее высоко прыгать и нападавшее на жителей Лондона в конце XIX – начале XX века; поймать его так и не удалось. По адресу площадь Риллингтон, дом 10, в 1943 – 50 годах жил самый жуткий убийца XX века – Джон Реджинальд Кристи Холлидей.

² *Квадратная миля* – лондонский Сити, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.

Здесь совершаются всевозможные преступления; большинство из них никогда не будет раскрыто. Во всех этих преступлениях виноват Лондон. Он приводит в замешательство, запутывает, ставит в тупик.

Лондон отдает предпочтение предпринимателям. Лондон расцветает на насилии, к которому побуждает предпринимательство. Тысячу лет назад Лондон построил здание Парламента посреди ежевичного болота, в месте, называемом Колючий остров.

Порядок там поддерживается злодеями и преступниками; там правят проклятые, которых ввели в заблуждение рыночные торговцы-масоны.

Лондон горит, Лондон зовет, солнце садится над Ватерлоо, стреляют орудия Брикстона. Лондон пульсирует в такт музыке мира, и каждый район пересказывает свои легенды звуками бангру, регги, ска, блюза, джаза, фаду, фламенко, электронной музыки, хип-хопа, панка – выбирайте собственные звуковые дорожки.

Лондон – это сирена, которая зовет вас на скалы саморазрушения, насмехается, дразнит и предлагает вам взглянуть на обнаженную женскую плоть, когда вы пьяно шатаетесь в дверном проеме.

То, что Лондон продержался столько времени, объясняется тем, что он был основан в месте средоточия порока. Еще римляне знали, что река может доставлять все богатства мира прямо в голодную пасть большого города. Лондон контролировал мир на протяжении многих лет. Лондон – это великий волшебник и маг.

Здесь снова следует сказать, что на самом деле перед вами не сборник криминальных рассказов. Это книга – компас для читателя. Компас, который поможет найти свой путь по темным лондонским улицам, найти созвучную душе часть города и сделать ее своим талисманом. Лондон – это тени и туман. В Лондоне живут привидения и призраки. Лондон – это сплошная темная сторона.

Кэти Унсворт

Лондон

Май 2006 года

Перевод с английского Марии Жуковой

Часть I Полицейские и воры

Десмонд Барри Игра в нарды

Desmond Barry
Backgammon

Десмонд Барри – неприкаянный бродяга и автор трех романов: «Рыцарство преступления», «Кровавая страстная пятница» и «Постель Крессиды». Его публиковали в «Нью-Йоркере» и «Гранте». Он вырос в Мертир-Тидфиле и переехал в Лондон, где проживал в 1972 – 82 годах. В настоящее время преподает писательское мастерство в университете Гламоргана.

Место действия – Сохо

Пятого сентября, в четверг, в три часа дня мне надлежало оказаться в «Сохо-хаузе», что на Грик-стрит. У меня была назначена встреча с режиссером Джоном Поувеллом. Джон заинтересовался моим сценарием «Жестокий дом» о темных делишках, которые вершились в Сохо в конце 70-х. Его последняя работа, «Тревога», ужастик в духе реалити-шоу, вошла в десятку самых кассовых фильмов. Мчась в поезде метро от Килбурна до Пиккадилли-серкус, я отдавал себе отчет, что слегка перебрал с алкоголем и нервничаю, уж очень мне хотелось, чтобы все прошло хорошо. Мне срочно надо было что-нибудь съесть, чтобы в желудке наконец перестало урчать и чтобы восполнить недостаток в крови, от которого я с каждой секундой нервничал и раздражался все больше. Мне повезло. До встречи еще оставалось полтора часа, а неподалеку от поворота на Грик-стрит находился «Ресторанте Иль Полло», где подают лучшую лазанью в Сохо. Определенно прежде всего надо заглянуть в «Полло».

Я протолкался вверх по полному народа эскалатору, распихал локтями толпу на лестнице, и вот я уже на Дилли: свет, камера, мотор! Я увернулся от парочки такси и шмыгнул на Грейт-Виндмилл-стрит. Это вполне могло бы стать фрагментом сценария: прекрасные девушки в дверях стрип-баров, блеск бижутерии, манящие улыбки, похотливые речи – все, чтобы завлечь меня внутрь. Но я ведь не клюну на такую наживку, правда? Работа прежде всего. Я свернул направо, на Брюэр-стрит, а потом зигзагом, направо и налево по Олд-Комптон-стрит, где на меня глазели симпатичные мальчишки, оккупировавшие столики кафе или стоящие в дверях стильных бутиков для геев. Все в Сохо чего-нибудь да хотят. Я хотел лазанью.

Я толкнул стеклянную дверь «Ресторанте Иль Полло» и вдохнул густой запах мяса и помидоров, доносящийся с кухни, и легкий аромат кофе – от шумящей кофеварки позади стойки. В «Полло» подавали фирменную лазанью в металлических формах, как минимум, лет тридцать, а то и больше, и я рассчитывал, что этот соус бешамель с мясом и бокал хорошего вина помогут мне прийти в себя перед встречей с Джоном. Официантка посадила меня за маленький столик в передней части зала.

Вот почему я не сразу заметил Магси. Только после того, как взломал хрустящую сырную корочку, проник вилкой в зеленоватое макаронное тесто и соскреб с края металлической формы коричневые зажаренные кусочки. Увидев, как этот старый ублюдок пробирается из

задней части зала, лавируя между столиками, я впал в состояние шока. Прошло двадцать шесть лет. Как так получилось, что он оказался здесь именно сейчас, после того как мы не виделись двадцать шесть лет? Должен признать, в прошлом нас с Магси многое связывало. Я отодвинул лазанью в сторонку и улыбнулся ему, но плечи мои при этом напряглись, а колени заходили ходуном, как будто где-то в глубине души я приготовился задать стрекача. Как и многие лысеющие мужчины, Магси по нынешней моде побрил голову.

Когда он увидел меня, на его лице возникла все та же прежняя ухмылочка. Он никогда не был здоровяком, всего 5 футов и 8 дюймов, и все же это на пять дюймов больше моего роста. Одет он был неплохо: вельветовый пиджак, рубашка в клеточку и джинсы. Я слышал, что, выйдя из тюрьмы, он уехал в Испанию. Это было где-то года двадцать два назад. Но для живущего в Испании он был слишком бледен, без всякого загара. Похоже, он переживал нелучшие времена: глаза у него были усталые, на лице пролегли глубокие морщины, а кожа была землистая, как у заядлого курильщика.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

Я встал из-за стола и даже приобнял его. Правду сказать, вышло немного скованно, но улыбочка, словно говорившая «рад тебя видеть, старик», так и не сошла с его губ.

– У меня встреча, – ответил я. – Деловая, примерно... – я задрал рукав, обнажив наручные часы, – через десять минут.

– И что за делами ты занимаешься?

– Расскажу тебе потом, если захочешь. И если ты все еще будешь где-нибудь поблизости.

– В полпятого в «Стейнерс», – предложил он.

– Ладно, – сказал я.

«Стейнерс», как же, как же... Одно из наших старых пристанищ.

Мы вышли из «Полло» на залитую солнечным светом Олд-Комптон-стрит, прошли у всех на виду несколько ярдов до Грик-стрит, перешли дорогу и оказались на погруженном в тень противоположном углу.

– Ты снова тут работаешь? – поинтересовался я. Очень надеюсь, что ответ будет отрицательным.

– Не-а, я теперь живу в Бриджуотер.

– В Бриджуотер? – переспросил я. – А что ты тогда делаешь в Сохо?

– Пересекаюсь с Ричи, когда у него смена заканчивается.

Ричи был одним из старых дружков Магси. Сам-то я его толком не знал.

– А он все еще тут работает?

– Ага. Управляет четырьмя магазинами «Хармони».

– Корпорация порно.

– Полностью лицензированная и законная, – уточнил Магси. – Новая экономическая политика, сынок. Пока дело приносит доход, с ним все в порядке. Вот оно, либеральное отношение, а?

– По крайней мере честно, – сказал я.

– Ну так что, я поймаю тебя в «Стейнерс»? – спросил Магси.

– Угу, хорошо.

И он пошел по своим делам. Я смотрел ему вслед. Все-таки странно, что я наткнулся на него в «Полло» спустя столько лет. Мне даже стало слегка не по себе. Но тут я посмотрел на часы – время поджимало. Мне нужно на время выкинуть Магси из головы. Я позвонил в двери клуба и поднялся вверх по лестнице туда, где у меня была назначена встреча с Джоном Поувеллом.

На крыше «Сохо-хауза», под ярким солнцем, за двумя бутылочками газированной минералки встреча прошла неплохо. Не великолепно, но все же неплохо. Оказалось, что

пытаться снять фильм – это дело, требующее огромных запасов терпения. Я сказал Джону, что не уверен, планируют ли продюсеры, выплатившие мне немного денег за написание сценария, вкладываться в производство, но они, во всяком случае, выразили серьезный интерес. Сказал, что мой текст – это тот горячий воздух, что однажды может поднять в небо целый воздушный шар. Джон заявил, что сценарий ему очень понравился и что он передаст его какому-то знакомому из компании Пирса Броснана, который мог бы заинтересоваться проектом. Джон пообещал это сделать, как только вернется с кинофестиваля в Торонто и из поездки в Лос-Анджелес. Все это очень обнадеживало. Но пока никто ничего не подписал и тем более ничего не съел и не выпил в честь съемки первого кадра. Либо до больших денег было еще очень далеко, либо я вообще гонялся за миражом. Но все-таки за сценарий-то мне заплатили, а если фильм запустят в производство, я получу еще больше, и солнце светит над головой... В сущности, это был не такой уж плохой способ зарабатывать на жизнь. Я проглотил остатки минеральной воды, мы спустились на пять лестничных пролетов и вышли на улицу. Минералка? Боже, кажется, я в последнее время совсем на себя не похож. Даже кофе пью в умеренных количествах.

Мы с Джоном обменялись прощальными рукопожатиями, и он направился на север, к Сохо-сквер, а я зашагал по Олд-Комптон-стрит в сторону «Стейнерс». Мне предстояло увидеться с Магси – если, конечно, он меня ждал. В середине 70-х мы с Магси были добрыми друзьями, я часто подолгу зависал у него на квартире, просто валялся и слушал музыку. Он жил со своей девушкой, Пенелопой. Я так подолгу обретался в их квартире в Кэмдене, что практически поселился там. А потом и впрямь поселился, когда у моего логова на Чок-Фарм истек срок аренды. Я прожил у них полгода, а потом они подыскали для меня местечко в Дальстоне, «через друзей Пенелопы», как они сказали.

Так что им, строго говоря, не пришлось выгонять меня на улицу. Да, нас с Магси связывало много воспоминаний. Самых невероятных воспоминаний. Например... одним жарким июльским вечером в 1975 году, как раз перед тем, как я перебрался в свою новую конуру, мы с Магси решили отпраздновать мою последнюю ночевку в их квартире. Мы купили в магазинчике на углу стограммовый пакетик соли и шесть лимонов, а потом сходили на Кэмден-Хай-стрит за тремя бутылками текилы. Потом мы подхватили с работы Пенелопу – она трудилась в Королевском бесплатном госпитале. Она стояла у ворот с этой миниатюрной длинноволосой девчонкой, Анджелой. Этого мы никак не ожидали, мыто планировали вернуться в квартиру и приналечь на текилу, но Анджела пригласила нас всех на ужин к себе в Корнуолл-Гарденс, чуть в стороне от Глостер-роуд. Корнуолл-Гарденс – теперь, чуваки, это престижный район. На дворе стоял ясный и приятный летний денек, а у нас были с собой соль, лимоны и текила, которые мы могли пожертвовать на общее дело, так что настроение у меня было бодрое. Мы ехали в машине Анджелы по Хэверсток-Хилл, потом через Вест-Энд и Кенсингтон, и Анджела сказала, что квартира в Дальстоне, куда я вот-вот намеревался переехать, принадлежит ее парню, Тэду.

«А, – подумал я, – те самые квартирные знакомые».

Итак, мы свернули на Корнуолл-Гарденс. Анджеле было разрешено парковаться прямо на улице. Она открыла нам большую, солидную дверь и отвезла нас на лифте в свою уютную квартиру с тремя спальнями, всю в персидских коврах. Там было шикарно. А балкон выходил на обнесенные забором частные сады.

Кухня была объединена с гостиной. Анджела принялась стряпать какой-то вегетарианский ужин. Она сказала, что всегда ест только макробиотическую пищу. В перерывах между готовкой она умудрялась выскочить к нам на пару минут и выкурить сигаретку – это показалось мне не очень-то кошерным, раз уж она вся такая макробиотическая. Где-то через полчаса после того, как она занялась стряпней, приехал Тэд. Он был невысокий, довольно тощий, в очках с металлической оправой и с хвостиком. Немного похож на олды-

вого хиппи. По словам Анджелы, он занимался бизнесом. Солнечный свет, маленький стаканчики, бодрящий вкус лимона... в общем, к этому времени мы уже прикончили первую бутылку текилы. По крайней мере мы с Магси, а девчонки большую часть времени болтали на кухне.

А потом мы расселись вокруг скатерти, которую Анджела постелила прямо на персидский ковер, и заточили бурый рис, огурчики и прочую вегетарианскую еду. После такого ужина я почувствовал себя по-настоящему оздоровившимся. Потом мы снова откинулись на гигантские подушки и вернулись к текиле, а Тэд принес красивую, инкрустированную перламутром доску для игры в нарды. Мы все пытались сосредоточиться на игре. И тут Тэд притащил большое зеркало и выложил на нем пять длинных дорожек белого порошка. Сказал, что это колумбийский кокаин. Тэд занюхал одну дорожку и неаккуратные маленькие хвостики от остальных, а потом вручил свернутую купюру Магси. Тот всосал порошок, и настала очередь Пенелопы. Когда Анджела отказалась, я испытал облегчение. Я чувствовал себя уже не такой неотесанной деревенщиной и произнес: «Спасибо, но я лучше ограничусь текилой». Я не ханжа, просто у меня даже от цветочной пыльцы случаются ужасные приступы астмы, что уж говорить о кокаине. К тому же, учитывая мое тогдашнее состояние, я не хотел рисковать. Когда мы прикончили вторую бутылку, мне стало казаться, что черные, белые и красные треугольники на игровой доске светятся.

Мы кинули кубик и сделали несколько ходов, а потом Тэд снова выложил кокаиновые дорожки, а я заглотив еще три порции текилы и уже не так нервничал из-за того, что ребята у меня под боком продолжают занюхивать тяжелые наркотики, и мы снова бросили кубик и допили третью бутылку текилы; на душе у меня стало совсем солнечно, хотя на улице к тому времени уже стемнело и пора было идти домой, я встал, но ноги плохо меня слушались, и я подумал, что ж, ничего страшного, мне ведь все равно сейчас домой. И я раньше не подозревал, что так хорошо играю в нарды. Я подумал, что не отказался бы встретиться с Тэдом еще разок, хотя он и наркот. Мне действительно хотелось сыграть с ним еще партию.

Но знаете что? Мне так и не довелось побывать в той квартире еще раз... Ведь я попал туда по чистой случайности. То есть Анджела-то наверняка планировала пригласить Магси и его девушку, а я просто пришел вместе с Магси после того, как мы закупились текилой. По большому счету, я и не должен был оказаться у них в гостях.

Когда мы собрались уходить, Тэд ухватил Магси за руку – но все в рамках приличий, этак по-дружески.

– Эй, Магси, – сказал он, – как думаешь, ты сможешь поработать на меня? Двинуть немножко кокоса?

Магси аж весь засветился. Возможность разжиться денежками... Магси это нравилось, и белый порошок он тоже, без сомнения, очень уважал. Они с Тэдом были такие хорошие друзья, что Тэд отложил ему пару унций и сказал, что расплатиться можно будет через неделю. Даже накачанный алкоголем, я сообразил, что это, возможно, не самая лучшая мысль, но Магси был так воодушевлен... Он играл честно, я точно знаю, что он расплатился с Тэдом за кокос за два дня до истечения недели.

Теперь Тэд был моим арендатором. От этого я чувствовал себя слегка не в своей тарелке, но через месяц или около того ко мне переехала симпатичная женщина, Шери, ей был тридцать один, и я лишний раз порадовался, что у меня есть своя конура. Шери была настоящая кокни, коренная лондонка из рабочих слоев. Я познакомился с ней, когда работал в экспедиторской фирме в Майл-Энде. Мне нужно было как-то платить за жилье. Я решил познакомить ее с Магси, он же все еще оставался моим другом, не так ли? Торговля к тому времени у него шла очень бойко. Но, когда мы приехали, мне показалось, что своим клиентам он радуется куда больше, чем нам. Но он же мой друг, напоминал я себе. Я должен поговорить с ним по-мужски.

– Что происходит? – сказал я. – Только не финти, давай начистоту.

Он знал, что я имею в виду (ведь друзья всегда понимают друг друга с полуслова), но предпочел отмахнуться:

– У меня все отлично, сынок. Дела идут как надо. Просто типа насморк. Почти как бывает при простуде. Совсем не мешает.

Насморк? Что за хрень?! Я хотел разговорить его, но тут вошел Тэд. С ним был один тип, Дэнни его звали. У Дэнни была классная стрижка, очень дорогой костюм, черная хлопковая водолазка и пальто из верблюжей шерсти. Он совсем не походил на олдвогого хиппи. Скорее на классического негодяя из старых фильмов, хотя ему было всего двадцать восемь или около того. Дэнни источал обаяние.

– Магси, – начал он, – как ты смотришь на то, чтобы сделать одно удачное денежное вложение, сын мой?

– Ты о чем? – спросил Магси.

– Как насчет того, чтобы взять в аренду маленький магазинчик порнографии на Дин-стрит? Полагаю, это могло бы стать отличным прикрытием для твоего истинного бизнеса.

Истинным бизнесом Магси теперь, разумеется, была торговля наркотой.

– Да-а, – протянул Магси с широкой улыбкой, – это мне по душе, можно сунуть палец в каждый пирожок и попробовать, а? Секс, наркотики и рок-н-ролл.

Мы вместе посмеялись. Он был очарован этим предложением. Я тоже был очарован. Но я так до сих пор и не знаю, было ли это и впрямь удачным финансовым вложением. Да и кто я такой, чтобы знать? В те времена у меня была дерьмовая работенка в Майл-Энде, а Магси вот-вот должен был перебраться в Вест-Энд, где обретаются все темные личности. И перебрался. Когда он открыл в Сохо порно-магазинчик, я каждую пятницу вечером ехал к нему, чтобы выпить после работы.

Честно говоря, мне нравилось общество всех этих стриптизерш, шлюх, сутенеров и жуликов, с которыми водил компанию Магси, – особенно когда перед этим пять дней копаешься в счетах за перевозку грузов. Я чувствовал себя кем-то вроде головореза с хорошими связями... Нет, не то... Скорее, головорезом по доверенности. Магси теперь все больше общался с крупной рыбой вроде Тэда и Дэнни. Все чаще и чаще возникали ситуации, когда мы с ним выпивали и вдруг он говорил:

– Прости, Декс, вынужден откланяться. Сегодня вечеринка у Тэда.

А мне приходилось возвращаться домой к Шери.

– Ты для него теперь прошлое, милый, – говорила Шери. – Он перешагнул через тебя и пошел дальше.

– Нет, он просто занят, все дело в его бизнесе, – возражал я. – Тэд, вероятно, не хочет, чтобы Магси приводил с собой друзей. Не любит лишнего шума.

Но, чего уж тут скрывать, меня это задевало.

Мы по-прежнему время от времени виделись с Магси и вместе выпивали. Мне нравилось слушать его байки про всякие гангстерские дела.

И вот однажды пятничным вечером мы сидели с ним в «Стейнерс» за коньяком, и Магси сказал:

– Декс, помнишь ту квартиру на Глостер-роуд?

– Угу, – ответил я.

– Мы с Пенелопой на следующей неделе переезжаем туда.

– Да иди ты!

– Чистая правда. Тэд сваливает. Полиция раскинула сети на крупную добычу, и им с Анджелой надо как можно быстрее убраться из страны. Он попросил меня и Пенелопу присмотреть за домом.

– Круто.

Звучит дико, но Магси так и не позвал меня в гости в Корнуолл-Гарденс. Ни единого раза.

– Почему ты все еще видишься с этим гадом? – спросила как-то Шери. Имея в виду Магси.

– Ну, друг есть друг, так ведь? – сказал я. – Кстати, не исключено, что он как-нибудь к нам заскочит...

Но после их переезда в Корнуолл-Гарденс я не видел Магси месяца три. А однажды в выходные столкнулся с ним на Олд-Комптон-стрит.

– Что с тобой стряслось? – спросил я.

Физиономия у Магси распухла и переливалась разными оттенками зеленого, желтого и фиолетового.

– Пойдем выпьем, – предложил он.

В челюсть у него были вставлены скобы, поэтому разговаривать он мог только сквозь стиснутые зубы. Мы направились в «Стейнерс».

– Тэд прислал мне из Штатов партию марок, пропитанных кислотой, – Магси шипел и булькал. По-моему, он был накакаинен по самые уши. – «Мистер Естественность». Чистая кислота. Одно изображение «Мистера Естественности» разделено перфорацией на четыре части. Тэд все предусмотрел. Велел мне продавать их по фунту за штуку и пообещал забрать деньги, когда вернется. Через несколько месяцев Тэд вернулся, никого не предупредив. А когда вернулся, то сразу пришел за деньгами. Ну что ж, все по-честному, решил я. Но он вдруг взбеленился. Заявил, что я отдал ему только четверть положенной суммы. Я напомнил, что он сам же велел мне сбывать товар по фунту за марку. А Тэд говорит, что надо было брать фунт за один перфорированный квадратик.

Я гадал, не вешает ли мне Магси лапшу на уши. Насколько вся эта история – плод недопонимания между ним и Тэдом, и не улетели ли те денежки в ноздри Магси?

– Так это он тебя так отделал? – поинтересовался я. В это не верилось, Тэд не выглядел крепышом и драчуном.

– Он был не один. Его семейство присоединилось...

– А, вот оно что.

– Они все – такие же старомодные ублюдки, как Дэнни. Короче, из квартиры пришлось съехать. Под давлением... с помощью всех этих Тэдовых братьев, отца, дядьев и Дэнни. Сначала отметелили меня, а потом типа спустили с лестницы...

Он издавал легкое шипение, когда смеялся. Я был рад, что он в состоянии смеяться над всей этой историей.

– А как Пенни? – спросил я.

– Ее не тронули. Она сейчас живет у друзей под Эппингом.

– А ты где?

– Сплю в магазине на полу.

– Перебирайся ко мне.

Я подумал, может, теперь, когда эти ублюдки избili его, он завяжет со своими темными делишками и вернется к нормальной жизни. Но он только покачал головой:

– Не-а, мне нужно оставаться в Сохо.

Мы договорились снова встретиться в «Стейнерс» в следующее воскресенье. За эти дни отеки на его лице немного сошли, зато синяки приобрели очень живописный зелено-синий оттенок. Я взял нам пару пинт «Стеллы Артуа».

– Мне тут надо кое с кем встретиться, – сказал Магси.

«Вот черт», – подумал я.

В зал вошел курчавый тип с расплюснутым носом и кучей золотых цепочек. Он сразу направился в мужской туалет, и Магси последовал за ним. Потом они вернулись, и курчавый ушел.

– Надо выплатить Тэду долги, – объяснил Магси. – Приходится одалживать у других. «Только не это», – подумал я.

Магси весь так и дергался, причем без всякой видимой причины – барабанил пальцами по стойке, поводил плечами. Похоже, его кокаиновый заряд был на исходе, что только прибавляло ему нервозности. Он заглотил свое пиво в три больших глотка.

– Прости, Декс, – сказал он мне. – Дела. Адьюс, амиго!

Магси побежал за новой дозой кокса, а я поехал домой к Шери.

Это был последний раз, когда я видел Магси перед двадцатилетним перерывом. Не то чтобы я совсем не вспоминал о нем. Должно быть, полиция держала его под прицелом уже давно, а на следующее утро в конце концов решила нанести визит в его порномагазинчик на Дин-стрит. Они нашли там около унции кокаина и внушительное количество травы. Магси на четыре года загремел в Брикстон. Я не навещал его.

И вот прошло двадцать шесть лет, и я столкнулся с ним в «Ресторанте Иль Полло» посреди Сохо. У нас встреча в «Стейнерс», в том самом заведении, где мы виделись в последний раз, прежде чем он попал в кутузку. Я перевел дух и толкнул дверь, ведущую в бар. Магси был уже там, стоял у стойки с Ричи Стайлсом, его старшим приятелем, который был все такой же высоченный, но за минувшие годы располнел и лишился заметного количества волос. Зато на нем был костюм от «Армани».

– Декси! – воскликнул Магси. – Рад видеть тебя, сынок!

Они уже здорово наклюкались, а на стойке перед ними красовалась целая батарея стаканчиков с текилой и бутылок пива «Согопа». Я не смог устоять. Может, виной тому ностальгия по прежним денькам, а может, легкий нервяк, но я лизнул соль, хлебнул текилы, закусил лимоном, а потом затушил пожар в горле глотком прохладного пива.

– Ричи! – сказал я. – Вижу, ты теперь важная шишка!

– И по-прежнему на развеселой работенке, – подхватил Ричи, – но теперь с правительственной лицензией. В наши дни можно грести денежки на совершенно законных основаниях. Никаких тебе полицейских рейдов, ничего такого.

– А ты-то сам что подельываешь? – спросил Магси.

Если я скажу, что стал писателем, это будет выглядеть так, словно я хвастаюсь. Что ж, отчасти так и есть.

– Я писатель.

– Писатель? – переспросил Магси. – Ты зарабатываешь на жизнь писательством?

– Чтобы хватало на все, приходится вертеться, – признался я. – Но в целом меня устраивает. Лучше, чем все мои прошлые работы... а их я со времен экспедиторской фирмы сменил немало: работал на стройке, в бухгалтерии, был помощником библиотекаря. А потом я решил начать новую, настоящую жизнь.

Я почувствовал, что это слегка уязвило старого друга. Но я не нарочно. А чем же занят он сам? Клерк в букмекерской конторе? Или сидит на пособии? Я знал, что от наркоторговли он отошел.

– Боже, сколько ж мы не виделись? – воскликнул Магси.

Я был уверен, что он и сам прекрасно помнит.

– Двадцать шесть лет, – сказал я.

Я был под хмельком, но не пьян.

– Ага... точно... в последний раз встретились незадолго до суда, – сказал он.

– Так и есть, – кивнул я.

Его слова следовало понимать как: «Ты не пришел навестить меня в тюрьме, трусливое ты дерьмо».

Да, я не пришел, он прав. Когда Магси вынесли приговор, то – называйте это паранойей, если хотите, – но я тогда был твердо убежден, что стоит мне прийти повидать Магси, как я тут же попаду в списки подозрительных лиц, якшающихся с осужденными, а там, глядишь, и ко мне, как к Магси, на рассвете нагрянет полиция. А что, если у фараонов невыполнен план по задержаниям и они решат, что сойдут и дружки наркоторговцев? И тогда я тоже окажусь за решеткой – с судимостью и угрозой изнасилования. Нет, даже малейшая вероятность такого поворота событий внушала мне ужас.

А теперь он хотел, чтобы мне стало стыдно, и, чего уж там скрывать, преуспел в своем желании – вот что по-настоящему меня бесило. Знаете, чего он добивался? Чего он действительно добивался, а? Пытался вернуть меня на те же позиции, что и тогда: он – весь такой хозяин мира, а я неудачник, батрачащий на экспедиторскую контору. Как в игре, отбросить мою фишку туда, где она стояла на первом ходу. Он всегда считал меня слабаком, которому не хватает пороку заниматься тем же, что и он: с головой погрузиться в сбыт кокоса и порноиндустрию. Но у него была своя жизнь, а у меня – своя, и я ничуть не жалел о том, как она прошла. Я ведь теперь уже не мелкая сошка в заштатной фирме? А он? Кто он такой теперь, скажите на милость?

А потом до меня дошло... Не самое приятное открытие, надо сказать. Ведь я так и не простил ему то, как он со мной обращался, когда пудрил нос кокаином вместе с главными с Сохо воротилами нарко- и порнобизнеса. Он процветал, а я был никем, и наша дружба тогда для него ничего не значила. А какой стыд и гнев я испытывал, когда Магси пренебрежительно со мной обращался (ну или не он, а кто-то другой, кого я считал другом)! И добавим сюда чувство вины из-за того, что я не навестил его в тюрьме... Все это вкупе как раз и заставило меня описать историю взлета и падения Магси в своем сценарии. Я надеялся, что он порадуетя, когда увидит историю своей жизни на большом экране, снятую на лучшую пленку. Если мы раздобудем денег, я стану героем, воспевающим своего друга в кино. Магси на большом экране. Ну, и кто из нас теперь герой дня? Что он делал в своем Бриджуотере или еще где, пока я сидел на крыше «Сохо-Хауза» и пил дорогую минералку? Но вообще-то, подумал я. Вообще-то, если по-честному... Да, если начистоту, то какая разница, что он делал или что делал я... Потому что сейчас мы оба здесь, в «Стейнерс», мы дышим одним и тем же воздухом, пьем одну и ту же текилу и посасываем один и тот же хренов лимон, и никто уже не в состоянии открутить стрелку часов назад, во времена до тюрьмы, до суда, до копов, до ссуды, до кокоса, до Тэда и до той чертовой игры в нарды в Корнуолл-Гарденс. И если по-честному... если по-честному, мне жаль, что все так получилось. Правда, жаль.

Кен Бруэн Под кайфом

Ken Bruen

Loaded

Кен Бруэн – автор множества книг, включая роман «Стражники», который в 2004 году удостоился премии Шамуса. Его книги переводились на многие языки. В настоящее время живет в Гэлвее, Ирландия.

Место действия – Брикстон

Проклятые ирландцы. Я не устаю их проклинать. Этим скотам, впрочем, начхать на мои проклятия; к проклятиям они привыкли, с молоком матери впитав, как это водится у католиков, ношу первородного греха. И этот их нескончаемый дождь; из-за него они к любой дряни притерпелись. Я предостаточно насмотрелся на ирландцев – когда растешь в Брикстоне, они являются частью пейзажа. Не самой лучшей частью, надо заметить, только куда ж от них денешься. В начале моей карьеры я работал кое с кем из ирландцев и вроде бы изучил их. Но выяснилось, что я знал их далеко не так хорошо, как мне казалось. В одном ирландцам не откажешь – они бесстрашны и могут с шутками-прибаутками совершать абсолютно безрассудные поступки. Если они прикрывают тебе спину, ты можешь не опасаться удара из засады. Зато потом ирландцы набиваются в пивную и начинают болтать. Кого хочешь до смерти заболтают, у меня от их трепа просто волосы дыбом вставали. Так что я больше с ними не связываюсь. Один парень (звали его, конечно, Пэдди) сказал мне как-то: «Не так давно на барах вывешивали таблички: „Цветным, собакам и ирландцам вход воспрещен“». Он улыбался, говоря мне это. Вот что бесит больше всего – эти гады постоянно улыбаются. Пэдди схлопотал восемь лет за паршивую почтовую колымагу, сорвал, видите ли, с себя маску раньше времени, чесалось у него, что ли? Я подъехал в тюрягу, посмотреть, не нужно ли ему чего, а он покачал головой и говорит: «Больше не приходи». Я начал злиться, и он объяснил: «Ничего личного, просто ты брит». Какой-то смысл в этом был, сцапали-то его бриты. Ирландцы обычно с логикой не дружат, но он, заметив мое смятение, добавил: «Я тут со своими. Если они засекут, что ко мне брит приходил, мне кранты». Ну и фиг с ним, пусть себе на нарах томится.

Моя жизнь складывалась неплохо. Я шел в гору – не слишком быстро, но, с другой стороны, куда мне спешить-то? Торговал потихоньку: чуть-чуть амфетаминов, немного героина, ну и кокс, конечно. Сам я все это дерьмо не возил, получал по своим каналам от разных тупых ублюдков, которые, в случае неприятностей, и будут за все отвечать. А я оставался в тени, сбывал товар страждущим и не напрягался особо: кружечка-другая в пабе, караоке четыре раза в неделю, игровые автоматы, а по воскресеньям – полный отрыв и танцы до упаду. Копам я исправно отстегивал их долю, и все были довольны. Никто, конечно, не разбогател всерьез, но кое-что вполне можно было себе позволить. Например, место на парковке, а это, как ни крути, немалая перемена к лучшему. А еще – неплохая квартирка на Электрик-авеню. Я арендовал эту хату вполне законно, но выглядела она так, как будто в нее самовольно заселились; ни один воришка в здравом уме не полезет в такое место. Я обставил свое жилище мебелью от Хила и украсил его всякими интерьерными штучками, вроде плетеных фигурок и корзиночек. Обожаю такие прибабасы, они генерируют позитивные вибрации. И никаких женщин, я дорожу своей свободой. Естественно, в ночь с пятницы на субботу я подбирал какую-нибудь лисичку и приводил к себе, но все лисички неизменно выметались часа в три ночи. Постоянное общество мне ни к чему. Только впусти в свою

жизнь какую-нибудь красотку, и конец кровью и потом заработанной независимости. Под половицей у меня заначка: кокс, пятнадцать тысяч и ствол. А бейсбольную битку я держу возле постели.

А потом я встретил Келли. Я был в «Холодильнике», смотрел совершенно идиотское шоу, которое все почему-то хвалили. Боже, ну и мерзость, хоть бы кто-нибудь им намекнул, что все их якобы крутое представление отдает мертвечиной. Потом я спустился в паб, хотелось промочить горло, чтоб отбить гадкий привкус от спектакля. Заказал пинту горького и услышал: «Как раз под настроение».

Женщина под тридцать, из поздних готов: макияж, тряпки, мироощущение – все у нее такое черное-пречерное. Я ничего не имею против готов, они безобидны, так что пусть себе самовыражаются. Ее лицо не было ни красивым, ни даже миловидным, но в нем чувствовалась жизненная сила. Я бросил на нее свой лучший лондонский взгляд с множеством брикстонских оттенков; этот взгляд ясно говорил: «Отвали». Она почувствовала, что необходимо объяснение, и сказала:

– Горькое в самый раз к горечи на твоем лице.

Я спросил на американский манер:

– Я тебя знаю?

Она рассмеялась:

– Пока нет.

Я взял свое пиво и отодвинулся. Ее окружали другие готы, но именно она была центром, огнем, вокруг которого они роились, как мошकारа. В ее глазах был странный зеленый отблеск, из-за которого в них так и хотелось заглянуть. Я встряхнулся и пробормотал себе: «Берегись!» Только за второй пинтой я рискнул снова взглянуть на готскую даму; она посмотрела на меня в упор и подмигнула. Я взъерился, действительно, какого рожна? На посошок мне достаточно, я же не пьянчуга какой-нибудь. Это дерьмо слишком быстро становится привычкой, а я не хочу спиваться; у меня совсем другие жизненные планы. Отодвинув пустую кружку, я направился к двери. Она тут же подошла ко мне и спросила:

– купишь мне кебаб?

Я услышал в ее голосе ирландские ритмы, она словно выпевала слова. Я остановился и спросил:

– С чего это ты вдруг?

Она улыбнулась:

– Я проголодалась, а одной ужинать не хочется.

Я обвел рукой помещение:

– А как же твой фэн-клуб, разве поклонники не составят тебе компанию?

Она насмешливо улыбнулась, скривив губы, и меня вдруг потянуло поцеловать ее. В голове гудело – будь здоров. Да что за ерунда со мной происходит?

– Обожание порой утомительно, подонок.

Я тащусь от этих лондонских шуточек. «Подонок». Для чего она это сказала? Вряд ли чтобы мне польстить...

– Не знаю. Не знаком с такой концепцией.

Она заразительно рассмеялась и сказала:

– Зачем такие сложные слова? Концепция – это что-то вроде контрацепции?

Не понимаю, почему я решил купить ей этот несчастный кебаб. Может быть, чтобы отвязалась, а может быть, из любопытства. Мало ли что эта готка еще отмочит. Она предложила поесть в парке. Я спросил:

– Ты рехнулась? Там же военная зона.

– А от тебя стоит держаться подальше, – она процедила это так, как будто я был виноват во всем дерьме, которое когда-либо случалось в ее жизни. Или просто искала, на кого вызвериться. Я сказал ей, что живу за углом, и она мурлыкнула в ответ:

– У, какой скорый. Мамочка предостерегала меня от общения с такими, как ты.

Я откусил от кебаба; как и следовало ожидать, он оказался безвкусным и несвежим. Ничего не оставалось, как спросить:

– Такие, как я, это незнакомцы?

Она запустила свой кебаб в воздух.

– Нет, англичане, – и, проводив взглядом шлепнувшийся на дорогу кебаб, пропела: – Покормим птичек.

Привести ее к себе домой было моей первой, но не единственной ошибкой. Не понимаю, что на меня тогда нашло, но я был как под гипнозом. Она оглядела мою квартирку и, да, я чертовски возгордился, до чего у меня славно.

– Кто здесь живет? Пидор-перестраховщик с уклоном в мазохизм?

Уела так уела. Я попытался парировать:

– Ты возражаешь против порядка или тебя пугает чистота?

Вот дрянь, защита – всегда самый верный путь к поражению. Она пришла в восторг, подвинулась поближе, провела мне языком по шее, мгновение – и мы уже слились в объятиях. При всем моем опыте эротических приключений никогда раньше у меня не было такого секса. Позднее, когда мы валялись на полу, и я пытался отдышаться, она спросила:

– Чего ты хочешь?

Она закурила. Обычно у меня дома не курят, но тут я почему-то не стал возражать. Я приподнялся, опершись о локоть, и заметил:

– Думаю, я только что получил то, чего хотел.

Она запустила окурком в направлении раковины. Нелегко было отвести глаза и стараться не думать, куда он упадет. Она сказала:

– Секс. Секс – это ерунда, мелочь. Я имела в виду: в жизни... как бы это сказать? По большому счету?

Я хотел жить без проблем, избежать тюрьги, не упустить своего. И сказал:

– Ну, хорошая тачка не помешала бы...

Она оборвала меня:

– Дурь какая. Шикарные авто! Тачки для мужиков теперь вроде фаллического символа, у кого навороченнее, тот и круче. По мне, так обычной колымаги довольно.

Ее голос так и сочился желчью. Прежде чем я успел раскрыть рот, она продолжала:

– Я хочу загрузиться. Чем-нибудь покрепче. Понимаешь, о чем я?

Я чуть не проболтался о заначке под полом. Но удержался и спросил:

– Ну, загрузишься. А дальше что?

Она перестала одеваться и уставилась на меня, как на умственно отсталого:

– А дальше, черт тебя дерь, все на свете.

Она направила к двери. Я спросил:

– Уходишь?

Мне всегда хотелось, чтобы телки исчезали, как только нужда в них отпадет. А тут вдруг...

Подбоченившись, она подняла бровь:

– Думаешь, готов ко второму раунду? По мне, так ты настолько выложился, что тебе нужна как минимум неделя перед новыми подвигами. Или я ошибаюсь?

Да уж. Раньше бабы всегда были мною довольны. Но вместо того, чтобы велеть ей покрепче закрыть за собой дверь, я почти прохныкал:

– Когда мы увидимся?

С самодовольной улыбкой, сияющей, словно неоновая вывеска, она сказала:

– Я тебе позвоню.

И ушла.

Она не позвонила.

Я вернулся в паб, но ее там не было. Ладно, я еще несколько раз туда заглянул, спросил о ней у бармена. Мы давно с ним знакомы. У наших отношений, как говорится, есть история, и она не слишком плоха. Он удивился и переспросил:

– Ирландская цыпочка, да?

Я сокрушенно кивнул, противно было признаваться этому прохожему за стойкой, что мне что-то нужно. Раз он со мной треплется, значит, треплется и с другими тоже. Того и гляди, поползет слушок, что я... как бы это сказать... поддался? Нет, хуже, раскис. И все, считай, я покойник, ко мне сразу же сползутся все хищники из окрестных городских джунглей. Бармен уставился на меня:

– Дружище, ты меня удивляешь. Вот уж кого не держал за бабника.

Погано. Хуже некуда.

Захотелось влепить ему затрещину, чтоб знал свое место, но так информацию не получишь. Постаравшись придать голосу убедительности, я огрызнулся:

– Это ты о чем?

Он самозабвенно выполнял свою обычную работу: протирал стаканы, прибирал на стойке. Мне пришлось некоторое время ждать ответа. Наконец он выпрямился, почесал нос и сказал:

– Прими мудрый совет, приятель. Держишь от нее подальше. Она водится с тем черным типом, Невиллом. А с ним не стоит связываться.

О Невилле говорили, что он парень серьезный: прикончил как минимум одного наркоторговца и по-крупному промышляет порошком. Я двинулся к выходу со словами:

– Я в курсе.

Бармен не стал насмехаться, хотя явно был близок к этому:

– Ну да, еще бы.

Срань. Срань. Срань!

Эта сучка играла со мной. Я твердо решил выкинуть ее из головы и заняться своим делом. К тому же мне пришлось обзавестись новым ковром, в старом сигарета прожгла дыру на самом видном месте.

Неделю спустя я торчал в пабе, где по вечерам пели караоке. Навар там обычно невелик, постоянные клиенты этой пивной редко покупают наркоту, им петь охота, но и в такие вечера можно кое-что между делом продать. Я сидел в глубине паба, обсуждая кое-какие планы со своим дилером, и вдруг услышал чей-то голос:

– Я хотела бы спеть «Полуночный вой».

Она. Келли. С одной из моих любимых песен Люсинды Уильямс. Наверняка видела у меня диск. Я торопливо оглянулся. Невилла нигде не было. Как только Келли запела, пивная затихла. Ее голос ошеломлял. Поразительно чистый, невинный и все же с намеком на опасность. Перед таким голосом мало кто может устоять. Когда она умолкла, грянули оглушительные аплодисменты. Дилер сидел с раскрытым ртом. Он прошептал:

– Господи, как хороша.

А она прыгнула со сцены и, сдержанно улыбаясь, направилась в мою сторону. Я твердо решил сохранять самообладание, но, к своему ужасу, проскулил:

– Ты так и не позвонила.

Дилер странно посмотрел на меня.

– А где же: «Привет, как поживаешь?» – любопытствовала она. Я отодвинулся, нечаянно дотронувшись до ее руки, и от этого простого прикосновения чуть не задохнулся. Она сказала: – Да, спасибо, я не прочь выпить.

Я заказал две большие порции водки с тоником, безо льда. Она взяла стакан.

– Я предпочла бы «Бушмиллис», но, черт, где мне устоять перед альфа-самцом.

Легкая насмешка. Сияющие глаза с полыхающим в них зеленым отсветом. У меня голова пошла кругом. Я решил действовать без обиняков и спросил:

– Чего ты хочешь?

Она лизнула ободок стакана и сказала:

– Тебя. Прямо сейчас.

Я так и не допил свою порцию. И о черном типе не смог упомянуть. Мы были у меня дома, я срывал рубашку, а она стояла с улыбочкой на губах. Я услышал:

– Белый хмырь дошел.

Она оставила дверь полуоткрытой. И теперь в прихожей стоял Невилл, небрежно держа в руке монтировку. Я взглянул на Келли. Она пожала плечами и отошла в сторону. Невилл вразвалочку приблизился и почти лениво заехал мне монтировкой по колену; я повалился на пол.

– Кошка всегда падает на четыре лапы.

Келли подошла и лизнула его ухо.

– Давай заберем наркоту и поскорее смоемся отсюда. Заметно было, что ему хотелось развлечься. Нарочито растягивая слова, он проговорил:

– Ну что, Лерой? Где твоя знаменитая заначка? Сам отдашь или поупрямишься? Мне-то все равно, так или эдак. Эй, детка, налей-ка нам чего-нибудь покрепче. Что тут есть для дорогих гостей?

Я сказал, что все отдам им, и Невилл рассмеялся:

– Тогда пошевеливайся, браток, если не хочешь неприятностей.

Я прополз по ковру, откинул его и вытащил половицу.

– Нев, тебе «Хайнекен» или «Бекс»? – крикнула Келли.

Я выстрелил ему в пах. Он упал, брызнула кровь. Келли, державшая в каждой руке по бутылке, выронила их на пол. Я заметил:

– Ты опять загадила мой ковер, что за фигня с тобой? – и выстрелил ей в живот. Считается, что такое ранение особенно мучительно. Судя по Келли, это чистая правда. Я склонился к ней и шепнул: «Ну что, ты достаточно загрузилась или маловато будет? У меня еще до фига».

Я заправил рубаху, убедился, что она сидит аккуратно. Терпеть не могу, когда одежда перекошена, она от этого портится. Я огляделся и с досадой заметил:

– Ну вот, теперь комнату придется обставить заново.

Стюарт Хоум Rigor mortis³

Stewart Home

Rigor Mortis

Стюарт Хоум родился в Южном Лондоне в 1962 году, сейчас живет в Восточном Лондоне. Он является автором двадцати одной книги, включая романы «Медленная смерть», «Минет», «Предстань перед Христом и убей любовь», «Нокаут в Шортдиче и Хокстоне». Все эти книги можно рассматривать как извращенные любовные письма его родному Лондону.

Место действия – Ледбрук-Гроув

В столице я провел всю свою сознательную жизнь, и большую ее часть – стаптывая ноги в сомнительных закоулках Западного Лондона. После войны район Ледбрук-Гроув получил прозвание Дастбоул⁴. Предприимчивые застройщики наживались на нем изрядно. В течение тринадцати лет славного правления тори, в 50-е и 60-е годы, на тамошних трущобах мог сделать состояние любой желающий. Дома то и дело переходили из рук в руки, и цены подсакивали с каждой продажей. Пока в начале 60-х не ввели до нелепого строгий надзор за строительными организациями, в обычае у спекулянтов недвижимостью было заряжать за дома как владельцам, так и другим участникам договора, стопроцентные закладные, планируемые продавцом заранее. И хотя цены при таких условиях оказывались выше рыночных, право собственности все же обходилось дешевле, чем аренда. Увы, новые владельцы для покрытия закладных предпочитали сдавать комнаты, вместо того чтобы зарабатывать на кусок хлеба, как подобает свободнорожденным саксам. Перенаселенность в результате привела к росту преступности, и полиция выбивалась из сил.

Только что завершённое следствие вернуло меня почти на двадцать лет назад, в начало 60-х. О смерти Джилли О'Салливан я узнал прежде, чем явился на Кембридж-Гарденс, 104, и немало подивился тому, что она вообще умудрилась дожить до тридцати пяти лет. Первые наши пути пересеклись в 1962 году, когда Джилли была еще наивным подростком, а я – свежеспеченным молодым констеблем. Констеблем я и остался, поскольку повышению в чинах изначально предпочел продвижение по горизонтали и стал коронером. При этой работе случаются значительные неофициальные приработки, и я не единственный коп, который пренебрег служебным ростом, – ведь, чем больше ты на виду, тем меньше у тебя возможностей принять вполне заслуженную взятку.

Джилли О'Салливан, переехав в Ноттинг-Хилл, пять лет снимала квартиру на Бассет-роуд, а в 1966-м переселилась поближе к Элгин-креснт. Кровать, на которой она умерла, находилась всего в нескольких минутах ходьбы от застроек Ноттинг-Хилла шестидесятых годов. В первый раз я позвонил Джилли на Бассет-роуд, когда полиции сообщили, что там скрывается один из ее братьев. Членов клана О'Салливан я и мои коллеги знали как свои пять пальцев. Вся семейка промышляла кражами и сутенерством. Джилли с братом выросли в Гриноке и в столицу приехали уже подростками. В начале 60-х Джилли процветала, неплохо зарабатывая в одном из дорогих клубов Сохо, и в те времена у нее даже сутенер был с приличным произношением и средним образованием. Брата ее в конце концов поймали, когда он вместе с парочкой кузенов обносил ювелирный магазин, и тогда-то я и узнал, что на самом

³ Rigor mortis (лат.) – трупное окоченение.

⁴ Букв. «пыльная чаша», название засушливых районов на западе США.

деле он прятался со своим дядей-бандитом в Виктории. После отсидки в муниципальной тюрьме за грабеж его перевели в военную – за самовольную отлучку из армии. Когда же, в середине 60-х, он освободился окончательно, Джилли уже стала в своей семье отщепенкой. Не из-за проституции – родня и знакомые отвернулись от нее потому, что Джилли связалась с битниками и хиппи и подседала на наркотики.

Будь она поумней, так выскочила бы замуж за какого-нибудь из своих богатеньких джонов и сделалась порядочной женщиной. Кое у кого из работавших с ней девушек хватило на это здравого смысла. О'Салливан была красоткой – в прежние времена, конечно; сейчас, глядя на ее труп, любой решил бы, что ей уже стукнуло все сорок. Глаза у нее до самой смерти так и остались голубыми, как пятифунтовая банкнота. Эта наивная голубизна, пока Джилли была юна, заставляла мужчин верить в ее невинность и простодушие. Глаза – что два озера, достаточно глубоких, чтобы в них утонуть, и, разумеется, она делала все, чтобы подчеркнуть этот эффект старательно подобранным макияжем. Потом, из-за нелегкой жизни, красоту свою она потеряла, и, поскольку ее историю я знал, мне не нужно было выпытывать подробности у женщины, которая нашла тело.

Я даже не стал спрашивать у Марианны Мэй, как она попала в квартиру Джилли; Гаррет уже поведал мне, что, найдя О'Салливан в кровати мертвой и торопясь смыться, он оставил дверь открытой. Гаррет, распространитель наркотиков и сутенер, счел за лучшее исчезнуть, не сообщив властям о смерти подружки. Прекрасно знал, что если даже его и не обвинят в ее смерти, так притянут еще за что-нибудь, окажись он поблизости. Я же, получив приказ расследовать обстоятельства смерти в цокольной квартире на Кембридж-Гарденс, 104, отправился сначала в Обсерваторию-Гарденс, где и прихватил его на пару со Скотчем Алексом. Гаррет жил с Джилли, а поскольку меня информировали только об одной смерти, я понял, что либо оба они, либо кто-то один всяко будет «в бегах» в Обсерватории-Гарденс. Кто именно умер, я не знал, покуда не добрался до норы Скотча Алекса, и предполагал, что это мог быть какой-то из их дружков-героинщиков.

Гаррет рассказал мне, что знал, но знал он немного. Покрутившись по своим дилерским делам, пришел домой, увидел на кровати мертвую Джилли и не мешкая сделал ноги. Случайная передозировка – так он считал, хотя не исключал и возможности, что О'Салливан убили некие бандиты, угрожавшие ей расправой за надувательство с наркотиками. Я сказал ему, чтобы он не беспокоился насчет выступления в суде, поскольку, если он согласен на сотрудничество, я не стану упоминать его в своем заключении. Намек он уловил и, вынув из правого кармана джинсов пачку купюр, вручил ее мне. Я похлопал его по левому карману, и Гаррет понял, что игра на сей раз идет всерьез. Достал и отдал деньги из второго кармана. Тогда я ткнул его в живот. Он поднялся на ноги и вытащил еще пачку из пояса. Затем я заставил его снять обувь и носки, но там у него ничего припрятано не было.

Довольный уловом, я пообещал сутенеру О'Салливан написать в рапорте, что Джилли на момент смерти жила одна. Я не сказал ему, что сделал бы то же самое, даже если бы не растряс его на деньги, поскольку для меня запись о ее совместном проживании с наркодилером означала бы лишние и совершенно ненужные хлопоты. Гаррет – подонок, но не дурак, и советовать ему найти себе какое-нибудь другое жилье нужды не было. Более того, я ничуть не сомневался в его способности быстренько ободрать еще какого-нибудь глупца, дабы и полицейского Левра обеспечить его долей, только что присвоенной мною, и расплатиться за прочие долги, которых таким, как он, не избежать, если они хотят оставаться в живых и при добром здравии. И, прежде чем покинуть Обсерваторию-Гарденс, я воспользовался случаем немного пощипать еще и хозяина норы, Скотча Алекса, такого же дилера, как и Гаррет.

Марианна Мэй, сообщившая властям о смерти Джилли, оказалась женщиной вполне уважаемой. С Джилли ее связывал несколько эксцентричный интерес – к религиозному движению «Новый век». А так – лучше человека, который мог бы обнаружить тело, и

не придумать. Благодаря ей складывалось впечатление, будто друзьями Джилли ко времени ее смерти были представители среднего класса. До прихода Марианны в квартиру наверняка вереницей ломались наркоманы в надежде разжиться дозой, удиравшие при виде мертвой хозяйки и даже не собиравшиеся сообщать в полицию о наличии смердящего трупа. Гаррет своих заначек тут не оставлял, красть было нечего. А если что и было, то исчезло задолго до моего появления.

Вопросов к Мэй у меня почти не имелось, но я должен был создать видимость, будто исполняю свою работу как положено. Я велел ей подождать в квартире наверху, у соседей Джилли, пока, мол, буду проводить осмотр. Прошелся по квартире, успел прибрать использованные шприцы и прочие признаки употребления наркотиков прежде, чем приехали медики. Затем осмотрел тело. Как и следовало ожидать, на ощупь оно было холодным. Джилли О'Салливан лежала в кровати на боку, голая.

Когда труп перенесли в машину, я поднялся наверх и сказал Мэй, что она может отправляться домой и что я свяжусь с ней, если возникнут какие-то вопросы. Беспokoить ее еще раз я не собирался, но, поскольку имел дело с представительницей среднего класса, вынужден был изображать, что действую по всем правилам. Мэй обладала прекрасными манерами и безупречным выговором, и, дай я ей хотя бы крохотный повод пожаловаться на мои методы расследования, к ее заявлению могли бы отнестись всерьез.

В организме Джилли наверняка присутствовало какое-то количество героина, и важно было преподнести обстоятельства дела так, чтобы избежать токсикологического анализа. Поскольку наркотики она употребляла внутривенно, внешнего осмотра тела можно было не опасаться. На самом деле даже у самоубийц, наглотававшихся таблеток, признаки наркотической передозировки бывают визуально различимы всего в пятидесяти процентах случаев. К тому же между всеми, кто участвует в подобных расследованиях, неизбежно возникает взаимопонимание – порой подмазанное круговоротом ходовых пятифунтовых бумажек.

Я вправе ожидать от патологоанатома определенного результата, и мне не нужно растолковывать это людям, с которыми я работаю. Помимо всего прочего, у меня нет времени расследовать должным образом обстоятельства каждой смерти, случившейся в мое дежурство. Полное расследование смерти каждого вшивого наркоманишки – пустая трата денег налогоплательщиков и моего времени. И каждый патологоанатом, независимо от того, сунули ему пачку пятерок или нет, сознает, что полиции лучше знать, что к чему.

Так что, прося медицинскую науку поддержать, дабы прекратить следствие, мое липовое заключение о естественных причинах отбытия в мир иной Джилли О'Салливан, я хотел не слишком многого. В легких после смерти всегда что-нибудь да найдется, поэтому приемлемым объяснением может послужить бронхопневмония, как это было уже во многих других случаях, когда я не считал нужным проводить полное расследование.

Смерть всегда – результат отказа одного из главных органов, и, согласно юридическим правилам, значение имеет лишь приводящая к этому отказу цепочка событий. От буквы закона практически всегда можно уклониться в пользу его духа.

При обстоятельствах, действительно не вызывающих подозрения, от бронхопневмонии умирают только старики и бродяги. К ней частенько приводит передозировка, но и я, и мои коллеги, имея дело с молодыми наркоманами, трактуем ее обычно как естественную причину смерти. Кому нужно правдивое заключение, которое только расстроит и обескуражит родню какой-нибудь маленькой паршивки, не заслуживавшей на самом деле ни любви, ни участия? Тяжело сообщать скорбные вести, и я многим достойным родителям оказал большую услугу, избавив от осознания того факта, что их дитя было ни на что не годным выродком-наркоманом.

Возвращаясь к частному случаю – в квартире О'Салливан было пусто. Джилли и ее сутенер Гаррет жили здесь всего несколько недель. Гостиная, она же спальня, снятая на

двоих, спартанская обстановка. Для наркоманов личные пожитки – вещь второстепенная, барахлом своим они не дорожат, воруют, если что понадобится, а потом продают. Тем не менее я нашел здесь ежедневник Джилли, последняя запись в котором была посвящена Гаррету.

КОМПЬЮТЕР В ПОГОНЕ ЗА МЕЧТОЙ

Валяешься размякшим манекеном раскинув ноги
Как «смурной ебарь» (твои слова)
Кончив пытаться меня морально – полдня пытал
А я тебя всего лишь попросила
Любви хотела хоть какой
А ты мне отказал и в трахе, и в дозе
И закинувшись туином как придорожная шлюха
Превратился в размякший манекен.

Бред этот был всего лишь еще одним ненужным доказательством того, что Джилли так и продолжала наркоманить. Для меня – дерьмовым, ведь в моем профессиональном заключении должно было значиться, что смерть ее не вызывает никаких подозрений и вызвана исключительно естественными причинами. Всякий опытный полицейский знает – чтобы ложь сработала, нужно держаться как можно ближе к правде. И значит, мне не следовало в официальном отчете замалчивать тот факт, что Джилли долгое время принимала наркотики. Да и патологоанатом не смог бы не заметить на ее руках следы уколов. Все, что нужно было сделать, – это заявить, что ее пагубная привычка осталась в далеком прошлом.

Получив кой-какой навар от домовладельца Джилли – за то, что закрою глаза на факт распространения наркотиков в его конуре, я позвонил своему приятелю, Полу Леверу, чтобы обеспечить для своего фальсифицированного рапорта, который уже начал составлять, документальное подтверждение.

У констебля Левера на Джилли имелось пухлое досье, а в нем – несколько липовых заявлений, которые он же и заставил ее написать. Еще в середине 70-х Полу хотелось знать точно, что творится в некоторых благотворительных учреждениях для наркоманов, и Джилли он засылал туда в качестве шпиона. И теперь он выдал мне копию вполне подходящего прошения, отосланного ею в одну из таких организаций. Джилли претендовала в нем на должность социального работника и уверяла, будто имеет философскую ученую степень и аспирантскую квалификацию, полученную в Калифорнийском университете, хотя школу она бросила еще в шестнадцать лет и к университетам близко не подходила.

Липовость документа, врученного мне Левером, подтверждало еще и заявление Джилли, что она сама принимала некоторое время наркотики, но завязала с этим в 1972 году. Вранье, конечно, но для моих целей – то что надо, поскольку отодвигало наркоманскую практику Джилли на семь лет назад.

Общество в целом пребывает в блаженном неведении насчет проблем, с которыми сталкивается полиция, но, несмотря на это, люди частенько удивляются моим рабочим методам, стоит мне заговорить о них в открытую. Вынужден сказать – полностью искоренить распространение наркотиков в Лондоне невозможно, и лучшее, что мы можем сделать, – это удерживать его под контролем. Работать позволено только дилерам, получившим от нас санкцию, и доля от их прибыли служит дополнением к нашему мизерному жалованью. Более того, в начале 70-х Пол Левер и другие полицейские, в том числе и я, с Джилли еще и развлекались.

У Левера имелись основания, как реальные, так и сфабрикованные, для того, чтобы засадить ее надолго. В тюрьму Джилли не хотела и заключила с ним сделку. Наркотиками она должна была торговать от имени Пола, информируя его о дилерах, вздумавших рабо-

тать без санкции. И согласилась также являться раз в неделю в участок, где мы и пускали ее по кругу. Джилли была не единственной наркоманкой, которую поставлял нам Пол для сексуальных утех, и может показаться, что он – бессердечный человек. Но это лишь видимость, которую он всячески поддерживает, а на самом деле он просто несколько слишком озабочен своим имиджем мачо. Джилли в 1972 году не повезло – она оказалась поблизости, когда один из сослуживцев прошелся на счет Левера, мол, вечно тот на последнем месте в наших групповухах.

Пол, как всякий половозрелый самец, развлекается, поколачивая шлюх во время траха, а тут уж он просто вынужден был доказывать – проявляя крайнюю жестокость, – что не питает никаких противоестественных желаний. Раз, когда я вставил Джилли, он схватил ее правую руку и сломал о свое колено. О’Салливан корчилась от боли, но Пол получил огромное удовольствие, заставив ублажить себя по полной, прежде чем отпустил ее в больницу. Со стороны это может показаться не совсем нормальным, но Пол, в общем-то, хороший малый и искренне верит, что легкая психованность – лучший способ воздействия на шлюх и преступников. В конце концов, единственным, что понимают и уважают эти подонки, является грубая сила. Да и как еще, в самом деле, обходиться с такими, как О’Салливан? В начале 60-х ей не раз предлагали замужество клиенты из высшего общества, но она всем отказала и стала наркоманкой.

Это был ее выбор – жить на дне, и делали мы с ней всего лишь то, что она тоже выбрала сама как способ прокормиться, который и вся ее бесчисленная ирландская родня выбирала, еще со времен Кромвеля. Джилли была не только наркоманкой и проституткой – еще и карманницей, и воровкой, занималась подделкой чеков и прочими аферами. Любой разумный человек согласится, что без законов и без полицейских, неустанно исполняющих грязную работу, общество быстро докатилось бы до состояния диких джунглей. Хватает, правда, и таких благодетелей рода человеческого, что всегда не прочь облить грязью столичную полицию, и огласка следствия по делу жизни и смерти Джилли О’Салливан наверняка лишь подпитала бы неприязнь, которую испытывают к нам их кровоточащие сердца.

Полицейские вроде меня заслуживают любых приработков, какие мы только в состоянии добыть, при условии, что это не ущемляет прав законопослушных граждан. Нарушение правил идет рука об руку с защитой закона; придерживайся я всех формальностей, руки у меня были бы связаны бюрократической волокитой. С подонками и шлюхами считаться нечего, думается мне, как и с «розовыми»⁵, блеющими о полицейском произволе. В нормальном обществе преступники не должны иметь никаких прав, тогда и полиции не придется нарушать закон, чтобы защитить порядочных людей.

⁵ Умеренные либералы.

Барри Адамсон Майда-Преисподняя

Barry Adamson

Maida Hell

Барри Адамсон (www.barryadamson.com) родился и вырос в Мосс-сайд, Манчестер, а потом переехал в Вест-сайд, Лондон, где написал и спродюсировал шесть собственных музыкальных альбомов, включая «Убийство души», который выдвигался на музыкальную премию Меркьюри. Адамсон также сочинил музыку к нескольким кинофильмам, телепрограммам и рекламным роликам. В настоящее время пишет рассказы и сценарии.

Место действия – Майда-Хилл

С высоты над воем сирен взгляд у меня всегда непреклонный, хмурый и таинственный. Я склонен верить, что внизу лежит грубый и отвратительный мир. Справа от меня – полицейский участок Хэрроу-роуд, слева – католический храм Лурдской Божьей Матери и Святого Винсента де Пол.

Преступление и очищение вьелись тут в каждый набор из мяса и костяшек, обремененный душонкой. В миг поворота я ловлю свое отражение в захватанном стекле. Я одновременно черен как ночь и при этом бел как саван. О, моя доля!

Я склоняю голову и преклоняю колена. Оно слегка дрожит. Запах жареной пищи обостряет во мне чувство голода сильнее, чем остальные реалии, напоминающие о явном недостатке материального благополучия. Внизу простерлась Хэрроу-роуд, вместе с Ноттинг-Хилл и Майда-Вэйл ограничивающая район, известный немногим как Майда-Хилл. Возвышенность Майда. А для многих и многих этот район – истинная Преисподняя. Майда-Преисподняя.

Если ручка, то она не иначе как сломана. Писавший стиснул ее, и пальцы тут же запачкала немислимая, неудаляемая жидкость, навеки пометив его, словно виновного в чем-то. Если книга, то ее непременно украдут. Затолкают в темный переулок, обхватят горло пальцами. Стоны и вздохи жертвы – последнее, что подтверждает факт ее существования; потом ее протащат по раскаленным углям и окончательно лишат жизни. Поглотят. Пережуют. Изрыгнут. Растопчут. Майда-Преисподняя.

Украдкой подглядываю по сторонам. Красные, белые, синие кровеносные сосуды с трудом прокладывают путь по затененному серому путепроводу, который известен нам как Путь Ужасов – Хэрроу-роуд. Автобус номер 18 с видом неоспоримого превосходства ползет по всей его длине, будто безобразный толстый ленточный червь. Его красное, сияющее шестидесятифутовое тело разбухло от потных паразитов. Этот Дипилидиум канинум⁶ ползет настолько далеко на запад, насколько можно представить. Он непременно застрянет на Мертвой Миле Херлсдена⁷, где, словно при встрече со старым другом, вам предстоит все глядеть и глядеть на одни и те же картины вдоль дороги. И, кажется, вы проведете целую вечность на заднем сиденье рядом с какими-то неприятными, дурно воспитанными личностями, пока выбранное вами средство передвижения будет пробираться через Не-Пойми-Что и наконец остановится в Сэдбери, гораздо дальше к западу, чем можно себе вообразить.

⁶ Тыквовидный цепень.

⁷ Пригород Лондона.

Или есть еще путь на северо-восток через Боллардз-Конкрит-Айленд, который торжественно именуют Паддингтон-Безин. По моему мнению, это место не хуже любого другого, чтобы извергнуть там содержимое отравленного желудка. Головка ленточного червя, именуемая также сколекс, скользит к Мерилбоун-роуд; ее путь обрывается у Юстонского вокзала. Жизненный цикл завершен, пассажиры могут выйти и разнести дух преисподней по стране. Именно это я намерен сделать, когда все закончится.

Менее чем в сотне ярдов от места, где я стою, ссутулившись, Грейт-Уэстерн-роуд вливается в ленивую Хэрроу-роуд, и они становятся Элджин-авеню. В этом секторе также заканчиваются Фернхед-роуд и Уолтертон-роуд, создавая своего рода психопустыню. В моем представлении, у этой территориальной единицы пять углов, вместо традиционных четырех. Официальные топографические карты XIX века свидетельствуют через века, что Уолтертон и Фернхед появились много позднее. Существование этих пяти углов наверняка будет доказано, и в наше сознание войдет суровая область ПРОМЕЖУТОЧНОГО ПРОСТРАНСТВА. Я отведу вас туда.

На одном углу банк. Он всегда полон; девушек-кассиров немного, и почти все они только что сделали покупки в Соммерфилде и расхватили весь товар по сниженным ценам, срок реализации которого вот-вот выйдет. За стенами банка они частенько флиртуют с местными жителями, на которых мигом ранее не считали нужным даже взглянуть. Не целуй ее, она кассир. Потом они лениво бредут обратно в набитую до отказа сокровищницу, где какой-нибудь тип вопит на весь зал: **ВЫ МЕНЯ ЗНАЕТЕ! ЧЕРТ ВОЗЬМИ! КУДА ОН ДЕЛСЯ?** Беззубый желтоглазый субъект с грязными пятнами на пальто начинает рыдать и удаляется, посрамленный.

– Пьянчуга. Дженнифер, появишься у меня?

Потом кассирша будет увильвать от работы, чтобы есть, сплетничать и грезить о новом бизнес-менеджере Клайве, двадцати двух лет. Он малость смахивает на Рональдо, но не так искусен. *Он разделит мои губы в первый раз, и в третий, и влывет во второй. Он взглянет в меня. Сквозь меня.* Крем течет из булочки, которую она уписывает за обе щеки, и шлепнется на ее юбку. Она тут же вытрет юбку ладонью. А мы, остальные? Мы просто теряем еще один день, молча упражняясь в искусстве стояния в очереди; мы оплакиваем свою самоуверенность, хотя мы вовсе не родились с нею.

На другом углу магазин мобильных телефонов.

– Мобильный телефон не желаете?

Тощая девчушка в облегающем свитерке протягивает прохожим рекламные листовки, никто не берет их, если не считать какого-то подозрительного типа. Тип некоторое время держится в сторонке, а потом чешет промежность и приближается к девушке с сальной улыбкой.

– О, это новый «Эриксон», угадал?

– Да. Пожалуйста. Возьмите. Мой босс...

– Он ведь плоский, не так ли?

– Пожалуйста, возьмите.

– Угу. Кнопочки на нем тугие, можно всю ночь играть. Кто ты, милочка? Полька? Латышка?

– Пожалуйста, я не...

Он вперяет в нее взгляд убийцы.

– Помяни мои слова, милочка. Ты ерундой занимаешься. И всю жизнь будешь заниматься. Ясно?

Он удерживает ее взгляд, прежде чем отстраниться, а там и отойти. Ощущая себя выставленной напоказ безжалостным светом солнца, она запахивает свое пальто, бормочет некий символ веры, думая одновременно о матери и друзьях, которых оставила, и возвращается к своей работе:

– Мобильный телефон не желаете?

На третьем углу общественный туалет. Типичное полуподвальное помещение. Кабинки для инвалидов на уровне мостовой. Туалет давно уже облюбовали наркоманы.

– Каждой твари по паре, ура, ура!

– Заткнись. Дай сюда шприц.

– Из-за тебя я точно в пляске. Всю ночь тряслась.

Люси вкалывает первую порцию в подколенную впадину и немедленно начинает почесываться, как обезьяна.

– Дай сюда.

Сандра, впервые за все это время перестав напевать, выдавливает кровь Люси из шприца, промывает его в бачке унитаза и набирает в него героин, вводит иглу в вену, делает себе укол и вырубается. Ее время заканчивается, и все беды говорят ей «прощай». Сандра глядит на Люси, а та, точно безжизненная кукла, сползает по стене, попутно ударяясь головой об унитаз.

– Вставай, безмозглая сука.

Ничего.

Сандра вылетает наружу и устраивает сцену парню в инвалидной коляске:

– Там кранты, дорогуша. Спустишь-ка вниз.

Тот глядит на нее. «Чертовски неправдоподобно». И тут она замечает его коляску. И скребет личико медленно и растерянно:

– Прости, милый. Хотя, может, с тобой все было как надо? Пятеркой не выручишь?

На четвертом углу магазин со сниженными ценами. Фактически, самый дорогой на свете круглосуточный супермаркет. Да что они там, сдурели? Девять фунтов шестьдесят за пару газетенки, сигаретки и питье.

– Девять фунтов шестьдесят.

Кто-то врывается в дверь.

– Сигареты поштучно есть? Продадите?

Продавец (один из шести. Вспоминается время, когда шикарный малыш появлялся в сопровождении самого Дураколы и замахивался тростью на бедного простака, единственным проступком которого было замечание, что граф мог бы помочиться в канаве, а не на дороге) отвечает: «Штучные закончились. Убирайся. Вали».

А вот и парочка заблудившихся австралийцев, верящих, будто они бродят в более теплых пределах Ноттинг-Хилл. Увидев возможность поупражняться в старых добрых обычаях, австралюк достает сигаретку и протягивает этому ублюдку, который немедленно повисает на нем.

– Славно, браток. Ух ты. Позволь поднести твои вещички.

– Спасибо, я справлюсь.

– Я ГОВОРИЛ НЕ С ТОБОЙ. Я ОБРАЩАЛСЯ К ДАМЕ.

– Хорошо, приятель, но...

– Но что?

Местный тип вперяется в глаза австралюка и упирается лбом в его лоб. Тот, бедняга, еле держится на ногах, сперва бледнеет, затем краснеет. А его подружка тем временем заводится не на шутку:

– Скажи ему, чтобы катился к дьяволу, Доббо.

Доббо решает ринуться в бой, хотя и сам не рад. Продавцы обступают их, типчик расхаживает, попыхивая сигареткой, ухмыляясь и удерживая взгляд меж ног австралючки. А та выкладывает на прилавок всякую всячину для легкого завтрака: яйца и прочее.

– Славно, вот так славно.

– Отвали. Придунок.

- Оставь, детка. Позволь мне поухаживать за тобой. Поухаживать.
- Э, приятель, что за дрянь...
- Прекрати.
- Двадцать четыре фунта тридцать восемь.
- Что?

И последний, пятый угол. Пивная. Гм. Хотелось бы о ней вообще ничего не знать. Место, в котором мне ни в коем случае не следует показываться. Вдруг они решат вновь дать ход делу? Что тогда?

Когда Мэри говорит мне, что это – самая приличная забегаловка в городе, я, конечно, всегда с ней соглашаюсь, мол, возможно. И поскорее меняю тему, чтобы она не заметила моей неуверенности.

То, как живет район Вест-9, отражено в нелепых и неуместных сравнениях с Южным Бронксом. Пять углов. Пять слобод? Бессмыслица.

Здесь существует традиция терпимости к правам и обычаям местного занюханного народца, общественная традиция, за которую боролись на этом самом месте в 70-е Джо Струммер и иже с ним; их деятельность наложила свой отпечаток на здешний безобразный пейзаж.

Бесспорно одно: местный народ обречен лунатически слоняться здесь, страстно поглощая воздух гнилого прошлого, нависший над холмами и долинами.

Вздываясь над Вест-9, ажурная башня господина Голдфингера наблюдает, как садится солнце (ну чем не ядерный взрыв?). Эта архитектурная мерзость стоит, поскрипывая, демонстративно не замечая японских фотографов, копошащихся у ее подножия. Разъезжающие на краденых велосипедах торгаши продают треснувшие камни с канала Великого Союза всякому, кто с какого-то рожна пожелает купить их. Вообще-то, отсюда видны и Сады, они обрамляют канал и башню. Сады – линия раздела, пограничная полоса. Они в последний раз дают глотнуть воздуха тому, кто забрел в здешние края, прежде чем он навеки скажет «прощай» обычной логике.

На канале и в его окрестностях водятся птицы, хотя большинство людей не замечает их. Тут встречается канадский гусь, серая цапля, дикая утка, пустельга, выпь, куропатка, черноголовая чайка, крапивник, малиновка, певчий дрозд, славка, пеночка, иволга, скворец, зеленый вьюрок, щегол, лесной голубь, серая трясогузка, завирушка и черный дрозд. Птицы тоже не замечают людей. Пусть все так и остается. Во всяком случае, пока. Сады. Недоразвитость. Юность. Крысы и мыши. В капюшонах и без.

Крысы в капюшонах, главным образом, черные. Как и любые юные революционеры – говорливые, но безмозглые, – они маскируют признаки своей уязвимости униформой: непомерно большими спортивными костюмами. Капюшоны вечно натянуты поверх шапок, иногда полностью скрывая их. Одна рука всегда свисает впереди вдоль штанов. *Слушайте, слушайте, слушайте. Я всеми тут верчу, как я хочу. Вопросов не надо: не будете рады. Ствол есть ствол, и я себе нашел. Покоится пока близ моего клинка. Живу при маме. У сестрицы три сопляка, малышня, а она моложе меня. Мой папа? Дружище, не знаю и знать не желаю. Да, их было трое. Загнали меня в мой драндулет, и я его грохнул. Но в больницу не хочу. И точка.*

Мыши в основном белые. Как любые юные перепуганные революционеры, они маскируют признаки своей уязвимости униформой: облегающими спортивными костюмами, которые выглядят как дополнительная оболочка для отсутствующей души. Они одержимо заботятся о своей внешности; они стараются убедить вас, что их демонстрация превосходства на самом деле является превосходством. *Славно потренировались. Блеск. Я хорошо себя веду, слушаюсь маму. Если ты, грязная и гнусная тварь, сделаешь что-нибудь, что повредит моей семье, или моим племянникам – кузенам – младшим братьям, знай, убью. Молотком*

по башке. Или вырежу сердце. После того как уберу в доме по маминой просьбе и отвезу бабушку в больницу. Все ясно? Закурить найдется?

Община горемык и борцов, восставших против мира дешевой выпивки и еще более дешевых обещаний. Борцов против войны, которую сами затеяли. Борцы за мир. Поддержанный мир. Община неудачников, заработавших уйму синяков. Но, тем не менее, община.

Жизнь, полная затруднений, по определению предельно прагматична и утилитарна. Для духовного в ней почти нет места. И еще меньше места в ней для кого-то вроде меня.

Звонит мой мобильный.

– Алло?

– Джонни?

– Да. Это...

– К черту. Я все о тебе знаю, мозгляк. На этот раз тебе не уйти.

И телефон замолчал. Умер. Нахожу последний номер в списке входящих звонков и ощущаю всплеск страха, у которого, как известно, глаза велики. Острые бивни впиваются в оба виска, горло цепенеет. Вспомнив, как делаются вдохи и выдохи, я оглядываюсь посмотреть, куда упаду, если закончу свой земной путь. Все плывет перед глазами. Оглушительный вой сирены «скорой помощи» вот-вот разорвет перепонку правого уха. Я содрогаюсь, как будто шестифутовый камертон ударил у меня внутри. Потом я валюсь на стул и зажимаюсь. Миллион булавок жжет мой лоб, выдавливая крохотные бусины пота – то горячего, то холодного. Не знаю, смогу ли я снова видеть, когда глаза откроются. Во тьме я слышу пронзительный вой, разрывающий мне грудь. Под закрытыми веками проплывают солнечные пятна, будто перед тем, как зажмуриться, я смотрел на очень яркую вспышку света. А еще я слышу, как бьется мое сердце. И знаю, что вернулся. После нескольких глубоких вдохов я решаюсь выглянуть в окно из-за краешка спущенных штор. В полумраке различаются крысы, мыши и «Мазда», слышна очень громкая музыка.

Восстань, мертвец.

Восстань, мертвец.

Дырка в башке, и тебе конец.

Головы за шторами взмывают и ныряют абсолютно синхронно, как в кордебалете. Или как головы пары сувенирных собачек, которых в давние деньки помещали у заднего стекла автомобиля.

Ублюдки. Легче, легче. Вспомни основы добра и милосердия.

Паря над самой дальней окраиной Джонни, Коллин О'Нил ковыляет по Хэрроу-роуд к храму Божьей Матери и честит красноносых завсегдатаев сообщества анонимных алкоголиков. Ее огненно-рыжие волосы абсолютно неуместны в толпы, запах спермы вынуждает людей держаться от нее на расстоянии. Она буквально умирает от желания снова выпить. Вот она отбрасывает в сторону огненные пряди и открывает лицо, напоминающее обветренные прибрежные скалы, шмыгает носом, вдыхая воздух, который недостаточно хорош для нее, и обзирает окружающее с осуждением, свойственным лишь воистину проклятым. Ее цель – выбраться отсюда на Уэстбрун-Парк-роуд, где, если повезет, она сможет подцепить мужчину. А лучше трех.

С одиннадцати лет Коллин попадала из одной переделки в другую. В двенадцать, когда она поняла, что может получать плату за то, что ее укладывают и раскладывают, пути назад уже не было. И не было ни поездок к морю, ни игры в классики. Ни увлечений мальчиками. Ни журналов вроде «Банти» или «Джуди» с отменными выкройками и бумажными фигурками, которые можно вырезать и хранить в шкапулке. Ни спальни, где она с друзьями могла бы упражняться в искусстве поцелуев. Ни: «Что сегодня подать к чаю, мэм?» Ничего. Когда

один боксер сказал, что позаботится о ней, он сдержал обещание: избивал ее до полусмерти, использовал как пепельницу и насиловал что ни день. Пойло стало для нее единственным средством защиты от мира, который не предлагал для этой цели ничего, кроме разнообразных, но одинаково бесполезных верований. Беда в том, что за эту защиту приходилось платить с каждым днем все больше. Ее цена поднималась все выше, выше и выше.

Я расхаживаю по моему маленькому «личному пространству» и выравниваю в нем все, восстанавливая параллели: край ковра и буфет, буфет и стол, стол и край ковра. Приседаю на корточки. Упс! Надо бы на два миллиметра вперед. Смахиваю пыль, прохожусь пылесосом. Так, на всякий случай. Поправляю подушки. Затем мою посуду. Так нужно, мало ли? Вытираю посуду, убираю ее на место и протираю раковину. Не начистить ли до блеска? Пожалуй! Уф, ну и запах. Тип, который изготавливает этот СИФ, или ДЖИФ, или как бишь его там, истинный гений. *Удаляет даже самую устойчивую грязь.* Это самое правдивое заявление за сегодняшний день. Вдыхаю синтетический альпийский дух, и вот мне уже легче. Восстань, мертвец. Келли Мьюз. Глаза Келли. Номер один. Готов? Готов, как обычно.

Несколько раз подряд мою лицо и руки, так что теперь для меня мир пахнет только мылом, и вновь чищу зубы. Затем решаю принять душ; в процессе возникает соблазн постыдного времяпрепровождения. Но нет. Хватит. Мы все знаем, что дьявол находит работу для праздных рук. Чистота – это почти божественность. Рядом. В шаге от нее. Близка к ней как ничто иное. Вытираюсь, разглядывая свое худощавое тело. Ни унции жира. Глажу пять рубашек, выкладываю несколько спортивных маек, стою над ними.

Вечно эти выходные запускают меня, как волчок. Как замедлить вращение? Достичь полного покоя? Нет. Свобода. Свобода воли – вот ключ.

Оденусь-ка по-праздничному. Но во что бы? Перебрав разные варианты (истинная свобода воли), я выбрал нечто небрежное, но броское. И решил, что выплыву на открытый простор, прежде чем уткнусь в бумажки на службе. На свежий воздух. На свободу.

Запираю дверь на два замка, затем вновь отпираю их и возвращаюсь, чтобы поправить еще раз подушки, у которых, кажется, слегка загнулись уголки. Затем застываю столбом. И некоторое время так и стою. Никакой пыли не наблюдается, и я с облегчением вздыхаю. Вновь запираю дверь на оба замка и лечу вниз по лестнице. Почти сразу запах и шум людского житья-бытья охватывают меня, берут в клещи, и вот уже мое нутро завертелось волчком.

Вот идет Парнишка. Я и знаю его, и не знаю. Мы не слишком-то доброжелательны друг к другу. *Следуй избранной стезе.* В сущности, я быстро расшифровываю его мысли. Он думает, что я – не я, а кто-то другой. В его взгляде читается: *Ты вовсе не то, чем хочешь казаться, не правда ли?* Что же, он прав. Я самым честным образом прикидываюсь кем-то иным, нежели подлинный я. Не стоит спорить с Парнишкой. Отнюдь.

Я сворачиваю на Хэрроу-роуд, прохожу мимо Остановки для Обреченных. Люди с мобильниками, где-то два десятка, сгрудившись на мостовой, ждут автобус номер 18. За то время, пока я приближался к ним, они даже не шелохнулись. Сигнальный гудок подъезжающего автобуса повергает их в безумие. Я успел вовремя проскочить мимо них, не став жертвой слепого порыва этой небольшой толпы.

Перехожу дорогу на углу Вудфилд-плейс и Хэрроу-роуд. Здесь здоровенный автобус, сворачивая с улицы с односторонним движением, чуть было не подписал мой смертный приговор. Бросив взгляд на его безжизненные сигнальные фары и поняв, что искусство предупреждения о повороте утрачено навеки, я, к счастью, все же догадался, что эта громадина хочет повернуть направо, и отскочил. Оглушительный ритмичный рев мчащегося автобуса перекрыл ритмичное уханье моей аорты. Машина прокатилась в дюйме от меня. Я представил себе рожу водителя за тонированным стеклом и одарил его ответным взглядом. С истошным визгом громадина остановилась прямо посреди дороги.

Внезапно подтвердилось, что я избран вести народ. Мистер Пастырь.

Не отрывая глаз, пялюсь на тонированное стекло, давая понять, что если кому-то и суждено погибнуть, то не мне. Дверь готова открыться. Я поднимаю ставки, поднимая руки, дабы выразить бесстрашие. Время останавливается. Загорается свет. Водитель трогает с места, автобус снова визжит и скрежещет. И я перехожу дорогу, поравнявшись со старым и благовоспитанным уроженцем Вест-Индии в прямо-таки шикарном облачении из магазина «Мужского Платья Терри». Он видит старую прелестницу на другой стороне улицы. Ее чулки сползли и болтаются на лодыжках, заляпанный халат вздувается над тем, что он счел славной округлостью. Он взывает:

– Старая спичка, найди себе скорее того, о кого чиркнешь!

Она хохочет во всю глотку: *«Схватка тигра и буйвола. Кто победит, еще вопрос!»* Он пользуется случаем и переходит дорогу. Никто не возражает, не считая Премми. *(Восемнадцать лет, беременна чуть ли не с рождения, стоит перед местным советом с протянутой рукой. Волосы зачесаны назад в стиле «сам себе парикмахер», слой штукатурки на мордашке призван замаскировать следы, оставленные временем и повернуть вспять процесс старения. В наманикюренных пальчиках дымится сигаретка. Два малыша и третий на подходе. Контуженный, склонный к суициду семнадцатилетний дружок с большой кипой пеленок.)* Она обходит старикана и с презрением причмокивает.

Меня выносит на пять углов.

Здесь цирковой артист развлекает охочую до зрелищ публику.

Перейдя улицу по светофору, я вижу перед конторой букмекера нескольких пьяниц, которые выражаются, хохочут и разливают содержимое бутылки по пластиковым стаканам. Закроешь глаза, и впору подумать, будто слышишь компанию дорсетских фермеров, обсуждающих цены на говядину и болячки миссис Моттл. Я вижу пьяную рыжую бабу и вступаю в начало плохого сна.

*Sancta Maria, Mater Deu, ora pro nobis peccatoribus, nunc, et in hora mortis noae. Amen.*⁸

Уличный артист выбегает на Хэрроу-роуд прямо передо мной и начинает заигрывать с предполагаемой публикой:

– Думаете, у меня денежек нет? – Все поворачиваются и смеются.

Одно мгновение. Худой хмырь, одна штанина джинсов закатана до колена, другая – нет. Он жует спичку и заглядывает в глаза окружающим. Женщина шестидесяти с чем-то. На заднице ее джинсов красуется надпись «Фокси Леди», она усердно покачивает бедрами, выдувает огромный пузырь из жвачки. Пузырь с шумом лопается, женщина смеется и поправляет бюстгальтер. Сроду небритый дядька в слишком коротких тренировочных штанах, без носков, в разбитой обуви, застывает как вкопанный и пускает слюни. Субъект, торгующий электронными картами и метадоном, не прочь обчистить карманы того, кто зазевается, заглядевшись на происходящее. Кто-то просит сдачи. Кто-то просит сигарету.

Двое наркоманов. «Видал моего хренового адвоката?» «Видал моего хренового самоката?» Кто-то вопит. Из-за артиста останавливается уличное движение. Парочка крыс в капюшонах, чьи левые ладони скрыты под спортивными костюмами, словно в попытке утаить некое постыдное уродство, вдруг подбирается. «Если не поймаешь меня в лунном свете, не поймаешь и в полной тьме». Пищит чей-то мобильник. Нераспознаваемая череда коротких сигналов, вероятно, должна вызывать ассоциации с какой-то популярной мелодией. Типы у букмекерской конторы продолжают спор об ирригации, прикидываясь, будто не замечают «Этих бестолочей». Визжат тормоза «Фиата» – водитель чудом не наехал на

⁸ Святая Мария, Матерь Божия, молись за нас, грешных, ныне и в наш смертный час. Аминь (лат.) (Известная католическая молитва.)

артиста. Тот стоит на голове и бросает в воздух пятерки и десятки. Затем вытаскивает из ресторана Дженни, где кормят всякой дрянью, алюминиевый стул и швыряет его в окно. Звон разбитого стекла. Аплодисменты.

Неподалеку от толпы – аптека. Захожу в нее и испытываю легкое отвращение, машинально улыбаясь трудящемуся за прилавком трансвеститу с грязно-белокурыми волосами. Это существо знает, что я знаю, что оно знает. Я с удовольствием наблюдаю, как оно морочит местную публику. Наше скрытое от посторонних глаз взаимопонимание заставляет меня по-детски покраснеть.

Аптеку следовало бы назвать как-нибудь вроде «Доктор Копуша»; впрочем, я только в таких и бываю. Огромное пространство, полное дрянной дешевой продукции; очередь к фармацевту, расположившемуся в дальнем углу. Фармацевт – мистер Отведу Любую Беду. У него пурпурный рот и лишний вес; его диагнозы – просто блеск. Я смотрю на руки Мишки. Поймав мой взгляд, оно (как оно говорит, иная старая летучая мышь с кротом куда волосатей, чем моя голова), кажется, посмеивается над нами обоими. «Да, подействует непременно». Оно быстро потирает джинсы в паху, привлекая мое внимание именно к этому месту. Я изо всех сил выпучиваю глаза и прикидываюсь возбужденным, а потом начинаю разглядывать всякие пены и лосьоны после бритья образца 70-х, которые хорошо помню по домашней ванной Майка. Мои колени стучат друг об дружку. Охота с кем-нибудь подражаться. Приближаясь к прилавку, я еще не знаю, что скажу. «Пачку Ригли, пожалуйста». «С каким ароматом?» Все со скрежетом останавливается. Замерзает. Затихают естественные звуки.

С каким ароматом? А с хреновым. Петух и вино, а, Джонни? Будь там в шесть, подгони колымагу к заднему ходу, или укокошу твою сестрицу. Лады?

«Гм... Мятную, пожалуйста. Не ментоловую». Теперь аптекарь кажется маленьким. Грязным. Таких следует отстреливать. *Как много оставлено провидению.* Мишка облизывает губы.

– С удовольствием, лапушка, – поворачивается и тянется к полке со жвачкой, а я спешу убраться из этого места. Я исчезаю так быстро, что, наверно, могу сойти за привидение. *Разберусь с этим позже.* Шагаю обратно к Келли Мьюз. Гляжу в небеса. Небеса красные. Я вспоминаю все. *Красное ночное небо. Горит хижина пастуха.* Фараоны производят зачистку местности, так что идиот, который швырялся стулом, уже сидит без рубахи в зарешеченном отделении полицейского лунохода. Проворный легавый беседует с девахой лет эдак пятнадцати, с ухмылкой спрашивает, где та живет. *Разберусь с ним позже.* Рыжеволосая треплется с какой-то старушенцией и кивает, словно она малявка, которой объясняют, чем кончают плохие девочки. Уловив в моих глазах проблеск надежды, она смотрит на меня, словно я почти превратился в призрак, и делает шаг в мою сторону. Собеседница удерживает ее за руку и оттаскивает назад.

– Послушай меня, Коллин. Ты еще можешь исправиться.

Наклоняю голову и двигаюсь дальше. Кто-то налетает на меня. Парень лет семнадцати, глаза едва видны под капюшоном. Я не тороплюсь, ведь он, наверно, вооружен. Он узнал меня. Его челюсть отвисает, и я заговариваю первым:

– Как твоя мама?

– Хорошо. Спасибо. – *Разберусь с этим позже.*

Перехожу дорогу у банка. Точнее, пытаюсь перейти. Загорелся красный, но машины все едут и едут. Водители опасаются, что, стоит остановиться, любого из них могут вытащить из авто и забить до смерти. Но я все-таки иду, зная, что закон на моей стороне. Заденешь меня, и воздаяние неминуемо. А перед этим я, конечно, выволоку тебя из драндулета и вытрясу душу. Так и знай.

В последнее время я не посещал зал, но тело помнит прежние навыки. Удар правой. Апперкот. Удар по корпусу. Хряп. Хрип. Хруп. Суперсредний вес. Чемпион с 74-го по 77-й.

Майк говорил, что отродясь не видел парня вроде меня. И что у меня взгляд киллера. И вот я на другой стороне улицы. Шум остался позади. Новый переход. Я болтаюсь между востоком и западом, не сводя взгляда с Вудфилд-плейс, на случай, если водитель автобуса пришел в себя и решил вернуться и бросить мне вызов. Но его нет. Я направляюсь в сторону дома, размышляя о том, что делать дальше; наконец решение принято.

Облегчение приносит выпивка за контейнером возле футуристической Научной фото-библиотеки неподалеку от моего дома. Трастафариан – растаман-иждивенец, любитель острых ощущений на халяву – отворяет дверь одной из квартир наверху, видит, как я пью, и начинает бормотать что-то вроде: *все путем, пока что-то плетем, всем хорошо нам под капюшоном.*

– Это не обо мне.

Тот шипит:

– А я и так не о тебе, зануда!

Осадив парня с его вздором, я готов напустить на него как следует. Он отступает туда, откуда вылез и где, вне сомнений, считает отцовские денежки в своей дурацкой пижаме и пушистых шлепанцах. Пятясь, этот хмырь косится на меня с боязливой улыбкой и в конце концов убирается к себе. Жизнь на кромке плюшевой подушечки. Плюшевое некуда. Нечто, возникнув из пустоты, подхватывает меня и запускает по спирали Берналетт; «Диорелла». Айлин; «Диориссимо». Маргарет; «Шанель № 5». Слышно, как неподалеку какая-то чокнутая наркоманка во всю мощь легких проклинает свою жизнь; возможно, и нашу жизнь тоже. БЛУДНИЦА ВАВИЛОНСКАЯ, БЛУДНИЦА ВАВИЛОНСКАЯ! *Кровавые песни сворачиваются в черные потоки холодной, холодной ночи.* Спасение в вере. *Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem.*⁹ Готов? Да, всегда и ко всему. Приближаюсь к своему жилищу; наверное, надо бы заскочить переодеться. Или сойдет и так? Выбираю последнее, отправляюсь на службу в чем есть. Подбегаю к служебному входу, вставляю ключ в скважину, вхожу и направляюсь к столу. Мэри встречает меня улыбкой:

– Отец Донахью?

– Да, Мэри. – Я бросаю ключи в ящик стола. – Что такое?

– Отец, я знаю, что вы очень заняты, но... Вы не могли бы добавить несколько молитв об упокоении моей сестры? Помянуть ее молитвенно, если не трудно.

– Как давно это случилось?

– Пять лет назад, отец. Пять лет с тех пор, как Он забрал ее от нас, – она принимается плакать. Я обнимаю ее за плечи и напоминаю, что Господь с нами, и прошу звать меня просто по имени, то есть Джонни. Теперь она испытывает некоторую неловкость. И едва заметно, одними глазами выказывает недоумение по поводу моей руки у нее на плечах. Я убираю руку и предлагаю ей глоточек для успокоения. Она соглашается.

– Отец, я не знала.

Я не свожу взгляд со своего стакана:

– Я тоже, Мэри. Я тоже.

Мэри отпивает глоток. А я ставлю свой стакан на стол и беру распятие. И вот мы оба смеемся и болтаем о сделках, которые будут заключены в Исландии и Соммерфилде. И о том, что новый магазин одной цены просто изумителен. Мэри ставит свой опустевший стакан на поднос у графина с виски.

– Благодарю вас, отец. Мне теперь много лучше. А вы как? Привыкли? Вы уже как дома в наших неприглядных краях? Я знаю, сперва они отпугивают, но...

– О, я видел и вещи похуже, Мэри, поверьте мне. А теперь у меня много дел, как вы сами понимаете.

⁹ Верую в единого Бога, Отца всемогущего (лат.).

- О, простите меня, отец, за то, что отняла у вас время.
- Ничуть, Мэри. И я непременно помяну...
- Молли.
- Да. Молли. Я не забуду.
- Прощайте, отец.

Сажу и жду. Целый час. Наполняю стакан, меж тем как мои глаза наполняются слезами, и вот уже соленые ручейки скатываются по лицу. Бедный я, как мне быть, приходится пить. Верю в Него. И не верю.

*Deus Meus, ex toto corde poenitet me omnium meorum peccatorum, eaque detestor, quia peccando, non solum poenas a Te iuste statutas promeritus sum, sed praesertim quia offendi Te summum bonum ac dignum qui super omnia diligaris. Ideo firmiter propono, aduvante gratia Tua, de ceterome non-peccaturum peccandique occasiones proximas fugiturum...*¹⁰

- Звонит телефон. Стакан разбивается в моей руке, как только я подношу его к губам.
- Джонни, сам знаешь, я собираюсь тебя прикончить.
 - Я чувствую, что улыбаюсь. Все шире и шире.
 - Как можно убить то, что уже мертво?

На другой день, покинув канал Великого Союза из-за его неласкового климата, на канале Кью объявились двенадцать канадских гусей. Слышен шум их крыльев, потрясающий и ужасный. Пит, уборщик в пабе «Великий Союз», мыл полы в зале, продолжая выяснять отношения со своей женошкой. Перед тем как в пять утра он ушел, она выдала: «Паника, глупость и похмелье – вот твоя сущность. Больше ты ни на что не способен».

- Отвяжись.

Вначале, услышав шум, он чуть было не утратил веру. *Вот оно что.* Он ожидал увидеть как минимум Усаму бен Ладена собственной персоной в реактивном самолете «Хэрриер» в сопровождении одиннадцати приспешников.

Пинту и одиннадцать белого вина для дам? Пит был покорен невиданным великолепием этих птиц и зачарованно следил за их плавным движением; вначале они заметно снизились, а потом взмыли ввысь из-под моста Хафпенни-Степ. Они еще поднимались, когда он завопил: «Красотища-то какая!» И огляделся посмотреть, нет ли рядом Кармеллы. «Кармелла, иди сюда, смотри скорее!» Оставаясь внутри заведения, она покачала головой и, думая о недавнем аборте старшей дочери, огрызнулась: «Что такое? Шутить со мной вздумал, ублюдок? Я не в настроении!» Она отшвырнула тряпку, развернулась и увидела стоящего столбом Пита. Рассмеялась про себя и подошла к нему. «Да с чего это ты так завелся, обалдуй?» Пит по-прежнему не шевелился, как будто кто-то похитил его душу. Он был бел, как саван. «Иисусе». – «О, да. Ты еще Пресвятую Деву Марию приплети...» Тут голос Кармеллы затих.

- Она поняла. Прониклась.
- Запястья прикручены к ограждению под мостом.
- Черные ремни туго перетягивают белую шею.
- Глаза, нос, уши, пальцы и губы отрезаны.
- Тело наполовину погрузилось в канал.
- Тело мертво, как дверной гвоздь.
- Ноги отсечены по самые бедра.

¹⁰ Боже мой, от всего сердца покарай меня за все мои прегрешения, достойные ненависти, ибо, если я готов согрешить, не только принимаю от Тебя кару по заслугам моим, но и предостерегаю тех, кто готов служить Тебе с добром и достоинством, кого надо всеми Ты поставил. Посему тверже полагаюсь на грядущую милость Твою, да поможет она мне пребывать вне греха, избегая всякого нового случая согрешить... (Лат.)

Рыжие волосы горят, как пламя.

Чувств нет. Ног нет тоже.

Под воем сирен мой взгляд, как всегда, непреклонный, хмурый и таинственный. Я склонен верить, что наверху лежит грубый и отвратительный мир.

От места, где я умру, полицейский участок Хэрроу-роуд, гудящий, точно улей и полыхающий, точно костер, со всеми этими легавыми, честными и бравыми – направо. А католический храм Лурдской Божьей Матери и Святого Винсента де Пол, куда менее чем через полчаса соберется слушать мессу потрясенная община, налево. Община, сбита одному Богу ведомо из кого. Община горемык и борцов. Община, тем не менее. Борцов за мир. Подержанный мир. Порок. Рок. Поздний срок.

А пока. Облака. Сады. Звери. Птицы. Аминь.

Часть II Я победил закон

Майкл Уорд Я против адвоката

Michael Ward
I Fought the Lawyer

Майкл Уорд родился в Ванкувере в 1967 году и вырос в Торонто. В возрасте одиннадцати лет переехал в Гуль, что на востоке Йоркшира. Некоторое время изучал философию в университете Лестера и переехал в Лондон в 1987 году. Там он успел недолго поработать сортировщиком почты, а потом стал играть в музыкальной группе. Случайная встреча в пабе привела его в журналистику, и с 1997 года он трудится на этом поприще в качестве «свободного художника». Живет в Ноттинг-Хилл.

Место действия – Мейфэр

Я нажал кнопку воспроизведения, и тут же загорелся миниатюрный экран цифровой видеокамеры. Видно было только кривляющееся лицо Вани. Потом Ваня показала язык и исчезла. Это была проверка готовности камеры к работе.

«Хорошая девочка».

С того места на шкафу, где была установлена камера, можно заснять примерно половину комнаты. В дальнем правом углу стоит кровать, рядом с ней – большое зеркало, слева – маленький комод, а между ними, у дальней стены – вешалка с одеждой французской крестьянской девушки, кожаные доспехи и форма медсестры с белой шапочкой. Перед вешалкой стоит пара доходящих до бедра черных кожаных сапог.

Через две секунды опять появляется Ваня. Она несет стул, которым только что воспользовалась, чтобы установить камеру на шкаф, и ставит его на обычное место рядом с комодом. Девушка смотрится в зеркало, быстро поправляет прическу, сверху вниз проводит руками по комбинации, разглаживая ее, а потом выходит из зоны, охватываемой камерой и направляется к двери в гостиную.

Девять секунд ничего не происходит, потом снова появляется изображение. В комнату входит мужчина, делает четыре молодеватых шага к зеркалу, останавливается и разглядывает свое отражение. Это высокий, стройный, красивый мужчина лет пятидесяти с небольшим, с внушительной копной седых волос. На нем дорогой, темный, со вкусом подобранный костюм. Олицетворение консервативного английского стиля. Указательным пальцем мужчина проводит по бровям, приглаживая все неровно лежащие волоски, затем поворачивается и произвольно принимает идеальную позицию для кинопробы. Вид в фас.

«Отлично».

Ваня возвращается в комнату. Слегка покачиваясь на каблучках, которые утопают в ковре, она идет к комоду за презервативом. Джентльмен снимает пиджак и вешает его на спинку стула, затем аккуратно ставит под стул ботинки. К тому времени, как Ваня, тщательно смазав презерватив вазелином, надевает его на указательный палец, мужчина уже полностью раздет, на нем остаются только тонкие черные носки до середины икры. Он ложится на кровать, но смотрит в противоположную от камеры сторону. В объектив попадает его голый зад.

Ваня, все еще в комбинации и туфлях, залезает на кровать и встает на колени за спиной мужчины. Она нежно смазывает вазелином ректальную область королевского адвоката, сопровождая движение пальца тихим пением хорватской колыбельной «*Mamu ti jebem u guzicu*». Затем она осторожно вводит палец джентльмену в анус и начинает трахать его. Громкость сербохорватской мантры повышается по мере ускорения движений пальца. «*Picka. Mamu ti jebem u guzicu...*» Мужчина начинает яростно мастурбировать. Примерно через минуту седовласый джентльмен достигает пика удовольствия. Все свершилось.

Я нажимаю на «STOP».

«Получилось!»

Пора перемотать пленку назад.

На прошлой неделе, фактически в предыдущем тысячелетии, я присутствовал на представлении под названием «Река в огне». Власти организовали на Темзе полуночное огненное шоу под бой часов. Планировался мощный выброс оранжево-красного пламени на высоту двадцатого этажа. Благодаря пиротехническим средствам это пламя должно было пронестись через центр города на скорости восемьсот миль в час. «Превращение воды в огонь!», «Элементарная алхимия в грандиозном масштабе!». На самом деле на баржах посреди грязной реки установили несколько очень больших свечей, которые погасли, не успев как следует разгореться.

Не то чтобы меня это беспокоило. Мне было наплевать. Ложь, подделка, фальшивка. Эти суки только и могут придумывать рекламные слоганы, а результатов никогда нет. Я пошел туда не из-за шоу, а чтобы облегчить содержимое карманов ничего не подозревающих толстых ублюдков. И ничего не подозревающие толстые ублюдки не подкачали. Я собрал хороший урожай.

Я делал это не из-за денег, хотя кое-что из украденного в дальнейшем очень пригодилось. Это просто нужно было сделать. Все ликовали, возлагая на наступление нового тысячелетия свои ожидания и надежды; кто-то должен был восстановить равновесие. Привнести немного реальности в сложившееся положение вещей. Предполагается, что эти люди – матерые и опытные горожане, не правда ли? Эксперты по жизни в городе. «Приезжайте в Лондон». В Лондон, жители которого мочатся, гадят и блюют на собственных улицах; тем временем клика некомпетентных юристов, торгующих на улицах рекламными слоганами, трахает их в задницы и заставляет платить за это удовольствие.

Поэтому я устроил свое шоу. Маленький несанкционированный одноразовый перформанс для одного понимающего зрителя – для меня. Творческая кража. Берешь и даешь. В любом случае ни у кого другого это не получилось бы. Поблизости не было ни цыган, ни карманников, которые работают на Оксфорд-стрит и в метро. Они врезаются в туристов и неловко шарят у них по карманам. В результате получают однодневный проездной билет, который можно продать за содерен. Иногда мобильный телефон. Никакого чувства стиля, никакой оригинальности. Никакой драмы. Я же давал виртуозное представление. У меня был рюкзак и две проворных приятельницы, Правая Рука и ее партнерша, Левая Рука. Мои руки такие ловкие! Они славятся легкими, мягкими прикосновениями. Можно сказать, что они точны, как цифровая техника. Однако стоит держаться от них подальше. Понимаете? Это называется стиль, сука. Ум! То, чего у этих кретинов никогда не будет. Я беру, и я даю. Это искусство. Искусство, черт побери!

Не спорю, сам процесс облегчения чужих карманов был во многом таким же, как всегда. По крайней мере технически. Мне и раньше пару раз случалось выступать в роли карманника. Но это доставило мне мало удовольствия. Возбуждения, на которое я рассчитывал, не было. Не возникало ощущения События. В этот раз все было по-другому. Представление на реке оказалось дерьмовым, но все равно там плотной толпой собралось вместе два миллиона счастливых, обкуренных, пьяных и поющих людей. Все были очарованы несколь-

кими цветными огнями в небе. Все счастливо обнимались со стоящими рядом. Люди подходили очень близко друг к другу и обнимались, словно на самом деле прекратили ненавидеть друг друга, словно на одну секунду перестали быть суками. Я вам спою «Старое доброе время»¹¹, уроды. «Знакомства прежние забыть...» Ты забыл следить за своими вещами, приятель, большое спасибо. «Возможно ли когда?» Вы не против, чтобы я это у вас забрал, сэр? «И давние года...» Взял! «Знакомства прежние забыть...» Заканчиваю пение, пора идти! А впереди тьма-тьмущая ребят в синей форме. Это была хорошая ночь. Новое начинание. Путь вперед.

* * *

После шоу я решил отправиться на праздничный перепихон. Ваня скорей всего все еще работает в это время.

Я ходил к ней уже примерно полгода – с тех пор, как она приехала из Хорватии. Девушка стояла заплаченных денег – очень красивое лицо и хорошее тело при разумной цене. Будь она англичанкой, брала бы в два раза дороже. Может, в три раза. Я думаю, это один из плюсов иммиграции. Дешевая, квалифицированная рабочая сила.

Я стал медленно пробираться сквозь толпу. Вверх по Станд, мимо Трафальгарской площади, дальше к Пиккадилли и Шеперд-маркет. По пути я тихонечко напевал себе под нос старую песенку Робин Гуда: «Он крадет у богатых / И отдает шлюхе. / Воровать хорошо! / Воровать хорошо! / Воровать хорошо!» Иногда, Джонатан Марк Тиллер, говорил я сам себе, ты на самом деле бываешь самым умным парнем в мире. В этом долбаном мире.

¹¹ «Старое доброе время» – шотландская песня на слова Роберта Бернса. По традиции ее поют на прощание в конце праздничного обеда, митинга и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.